

Сергей КОЗЛОВ

«БЕЗЗВУЧНЫЙ» БЬЕТ...

Документальная повесть

МОСКВА
ГРАНИЦА
2006

В книге раскрывается загадка судьбы создателя первого отечественного «беззвучного» оружия Ивана Григорьевича Митина. Показан его извилистый путь к достижению своей мечты. Путь, на котором он потерял все, не получив взамен ничего. Автор надеется, что повесть вернет из забвения имя человека, которому страна обязана первенством в области развития одного из специальных видов стрелкового оружия.

Все лица, упомянутые в повести, подлинные, а события реальные.

Книга будет интересна не только тем, кого интересует история создания оружия, но и всем, кто захочет больше узнать о жизни простых людей, оказавшихся в бурном потоке трагических событий в России первой половины XX века.

История — не собрание сказок, а наука. Не пустая и бесплодная наука о событиях и датах, которая ограничивается тем, что выясняет, когда умер такой-то человек, бесполезный или пагубный для мира; не наука, сообщающая одни только справочные сведения, которые обременяют память, не просвещающая ум. Я говорю о науке, которая изучает нравы, которая обнаруживает ошибку за ошибкой, предрассудок за предрассудком, рисует нам последствия человеческих страстей, показывает нам, какие бедствия причиняет невежество или превратно понятая ученость.

Франсуа Мари Аруэ (Вольтер)

От автора

Эта документальная повесть рассказывает о судьбе одного изобретения, а вернее об авторе этого изобретения. Молодой человек, одержимый идеей создания огнестрельного «беззвучного» оружия, преодолел огромные трудности, дважды чудом остался в живых, но до конца своих дней продолжал работать над этой проблемой.

Можно с уверенностью сказать, что всего, чего ему удалось добиться, он достиг вопреки Судьбе. У него отняли почти все: свободу, близких, друзей и, наконец, жизнь. Такова была участь многих выдающихся людей того времени, которым приходилось затрачивать огромные усилия на преодоление внешних обстоятельств. Пройдя через суровые испытания, они уже переставали быть такими, какими были раньше. Это были уже другие люди, с теми же фамилиями и тем же лицом, но это были уже не они. Такие жестокие испытания выпали на долю Ивана Григорьевича Митина — русского инженера-самородка, талантливого изобретателя.

Это история о преступном, халатном бюрократическом отношении властей к изобретателям, о непонимании важности научного изобретения и еще большей ценности че-

ловека-изобретателя. Часто бывает так, что открытие витает в воздухе. Иногда невозможно точно определить, кому принадлежит первенство в открытии, потому что разные люди в разных странах приходят к нему почти одновременно. В данном случае обстановка в стране, политические репрессии и чистки, атмосфера повсеместной борьбы с призраком контрреволюции затормозили процесс работы над изобретением на десятилетие и только благодаря случайности не остановили его вовсе. Но даже все эти обстоятельства не позволили изобретателям других стран опередить наше государство в создании «беззвучного» огнестрельного оружия. И. Митин не только предложил оригинальный принцип подавления звука выстрела, не только создал практические образцы, основанные на этом принципе, но и впервые систематизировал по назначению огнестрельное оружие, использующее глушение звука.

До настоящего времени история разработки и создания практических образцов «беззвучного» огнестрельного оружия мало известна и, более того, состоит из многочисленных неточностей и искажений. Это повествование призвано раскрыть, наконец, одну из тайн появления нового оружия и показать судьбу человека, создавшего его. Человека со всеми его слабостями, но в то же время бесконечно сильного, сумевшего, несмотря ни на что, довести свою юношескую мечту до реального ее воплощения, хотя и в очень ограниченном объеме. Но это уже была не его вина, он же сделал все что мог.

Книга основана только на документальных материалах. В ней нашли отражение взгляды Ивана Митина и его коллег по работе на происходящее в стране.

Период конца 20 — начала 30-х годов характеризуется жесточайшей борьбой крепнущего сталинского режима с остатками оппозиции, чисткой всех сфер жизни общества от потенциально нелояльных этому режиму людей. Трагическая судьба семьи Митиных не может оставить читате-

ля безразличным и еще раз подтверждает известное изречение, что гибель одного человека — трагедия, а тысяч людей — статистика. Рассказ о жизни, страданиях и смерти реального человека материализует историю страны, позволяет взглянуть на нее глазами участника далеких от нас событий. Тридцатые годы отечественной истории прошли по стране страшным катком. Ломались не только судьбы людей, ломался вековой уклад огромной страны. Казалось, что разорвалось время...

Иван Митин родился в 1901 году в г. Суджа Курской губернии. Семья жила не богато. Отец до 1902 года находился на военной службе, которую закончил в чине унтер-офицера. После увольнения из армии поступил в жандармское управление и служил в том же звании станционным жандармом на ст. Суджа Киево-Воронежской железной дороги. Мать Ивана умерла довольно рано — в 1912 году.

Родители старались дать детям хорошее образование. Иван закончил суджанскую приходскую школу, а затем поступил в реальное училище там же. Отец хотел, чтобы Иван продолжил учебу в юнкерском училище и стал жандармом, однако Февральская революция 1917 года нарушила все планы. Ему пришлось уволиться, чуть не дотянув до 15 лет службы, так и не получив полагающиеся за это по закону 1000 рублей золотом. Сняв со сберкнижки все свои накопления в сумме около 6000 рублей, Г. Митин вступил в члены «Южной горнозаводской артели ответственного труда», внося свой пай в сумме 3500 рублей.

Позже с помощью артели отец купил квартиру в 1-м Переведеновском переулке в Москве и переехал туда вместе с дочерью Маргаритой и младшим сыном Василием.

Старший, Иван, остался в Судже оканчивать реальное училище. Однако в 1917 году он был исключен из училища за дисциплинарный проступок (вместе с товарищами украли из биологического кабинета две банки с заспиртованными лягушками, развели спирт из банок и выпили его, тогда

же пропали два микроскопа из кабинета). Не доучившись в седьмом классе училища, Иван добивается получения аттестата об окончании шести классов, сдает экстерном экзамен на учителя 1-й степени и, опасаясь суда по делу о пропаже микроскопов, уезжает учительствовать в Смоленскую область. В 1919 году он переезжает в с. Русятино Тульской области, где жили родственники по материнской линии, и также работает сельским учителем.

Работа в сельской школе угнетала Ивана, а деревенская жизнь производила на него удручающее впечатление. Иван совершенно не понимал деревенского уклада, деревенских людей, а политика военного коммунизма вызывала в нем полное неприятие. Последней каплей, переполнившей чашу его терпения, стала порученная ему конфискация библиотеки помещика в соседней дер. Котово. Дочь этого помещика, а на тот момент — директор котовской школы, с возмущением назвала эту акцию грабежом. Этим заниматься Иван не мог. Он бросает учительство и приезжает в Москву, чтобы продолжить учебу в вузе.

Однако набор в институт, куда Иван стремился поступить осенью 1919 года, не проводился, так как все были на фронте. Иван же избежал фронта только благодаря тому, что сельские учителя освобождались от мобилизации. Наконец, в январе 1920 года был объявлен набор в Московский институт путей сообщения, куда Иван был принят по своему уже недействительному учительскому документу. Однако в апреле 1920 года он заболел тифом и только осенью 1920 года официальным распоряжением был направлен в Московский политехнический институт. Проучившись там около года, он добивается перевода в Институт путей сообщения, так как считает себя коренным железнодорожником.

Несмотря на войну, хаос и все политические события в стране, Иван был убежден, что надо учиться. Власть большевиков выглядела непрочной, и он ожидал, что она скоро закончится. И как бы там ни было, надо получать хорошее образование.

С лета 1919 года, сразу после переезда в Москву Митин начинает увлеченно заниматься своей юношеской мечтой. Влияние «пинкертоновской» литературы, имевшей большой успех в среде реалистов, а особенно брошюры «Таинственные пули», натолкнуло его на мысль о создании так называемого беззвучного* оружия. В своих тайных мечтах, подкрепляемых неразберихой и безвластием Гражданской войны, он рисовал себе картины, как можно будет использовать такое оружие, например, при налетах на магазины, почту, банки. Этими мыслями он делился только со своим младшим братом Василием, которому в то время было около 11 лет. Иван был для него авторитетом и примером для подражания, и Василий всегда слушал его с уважением и восхищением. И, конечно, чем мог, старался помогать Ивану.

Однако ни теоретических знаний, ни условий для работы Иван в то время не имел, а было лишь огромное желание сделать такое оружие. С осени 1919 года И. Митин начинает практические эксперименты. Для начала у какого-то бывшего солдата он за семь рублей приобрел наган, а Василий притащил ему со свалки товарного двора Казанской ветки старую винтовку системы Винчестера 8-мм калибра. Позже винтовка разорвалась, поранив руку молодому испытателю.

Проводимые эксперименты дают первые результаты — позволяют на практике изучить основные законы внутренней и внешней баллистики. Иван стремится пополнить также свой теоретический багаж знаний. Покупка соответствующей литературы и использование имеющихся в Румянцевской библиотеке книг дали возможность теоретически подковаться по новому для него вопросу. Захваченный своей идеей об изобретении нового вида оружия и по-

* Термин «беззвучное» оружие применялся И. Митиным в его работах и потому сохранен в том же виде на протяжении всего повествования. (Примеч. авт.)

нимая, что уже вплотную приблизился к получению реального эффекта, Иван готов был заниматься работой сутки напролет, демонстрируя удивительную целеустремленность и настойчивость. Для продвижения по пути создания «беззвучного» огнестрельного оружия он проводит многочисленные эксперименты, пробует различные конструкции глушителей.

Отец, узнав о занятиях сына, сначала отнесся к увлечению безразлично. Но когда увидел, что «парень задумал не на шутку», стал укорять его и разубеждать, говоря, что тот работает над бандитским оружием. На этой почве у них часто возникали ссоры, хотя Иван сам понимал, что отец во многом прав. Напряженные отношения оружейник-самоучка излил в таких стихотворных строках:

Эх, негодный я человек,
Сволочь, наихудший подлец,
Скоро ль мой кончится век,
Скоро ль мой будет конец?
Эх, дела мои скверны,
Но думы, те думы заветны,
Людам-лиходеям нужны.

Первый результат был достигнут довольно быстро. В 1920 году И. Митину удалось заглушить звук выстрела, порождаемый пороховыми газами. Но этот этап оказался только подготовительным, главной задачей было нахождение общего принципа и условий глушения звука выстрела. Кроме того, перед Иваном встает задача получить небольшой портативный глушитель. И здесь он столкнулся с большими сложностями.

На поиски оптимальной конструкции ушло почти пять лет. Только к 1925 году Иван достиг желаемых результатов, изготовив глушитель с так называемым поддоночным снарядом, который при выстреле, выталкивая пулю, застревал в канале ствола и тем самым полностью запирал пороховые газы. Такой глушитель идеальнейшим образом производил отсечку пороховых газов, устраняя какую-либо

возможность их прорыва наружу. Решив одну техническую проблему, изобретатель тут же столкнулся со следующей. Встал вопрос правильного хода пули в стволе, влияющего на точность стрельбы.

3

Добившись первых результатов, Иван стремится получить патент на первые образцы своих глушителей. При этом молодой изобретатель очень рассчитывает хоть на какое-то денежное вознаграждение, что вполне можно было объяснить острой нехваткой денег для проведения экспериментов, окончания учебы в институте. Отец же, видимо из-за ссоры, не помогал сыну деньгами, хотя имел солидные сбережения в виде золотых и серебряных часов, различных украшений. Деньги в то время никто не копил.

В 1925 году И. Митин предлагает Отделу военных изобретений РККА тот самый поддоночный снаряд, который являлся одним из элементов образца его собственного «беззвучного» оружия, в надежде получить патент и какое-то денежное вознаграждение. Оттуда материалы направляются в Главное артиллерийское управление РККА, располагавшееся во 2-м Доме Реввоенсовета. Там они попадают к военному консультанту управления Ковровцеву, которому было поручено решение всех вопросов по этому делу. Ковровцев, бывший полковник царской армии, относился ко всему происходящему со злым скептицизмом и, по его собственным словам, в управлении занимался «архимудией». Молодому инженеру крепко запомнились советы умного и опытного человека, а его предсказания о судьбе, которая, вероятно, ожидает изобретателя, оказались пророческими.

После того как все документы и чертежи Ивана были приняты, изготовление пробных моделей было передано в Новогиреевские опытные мастерские. Когда образцы уже были изготовлены, Митин с удивлением обнаружил, что

они не соответствуют его чертежам. Молодой человек поспешил к Ковровцеву, чтобы рассказать о неправильном изготовлении моделей. Оказалось, что все изменения были внесены по указанию последнего. Митин негодовал, а все попытки военного специалиста обосновать необходимость «доработок» решительно отверг. Ковровцеву нечего было возразить изобретателю, и тогда он заявил в ответ: «Собственно, чего Вы добиваетесь? За свои работы Вы в лучшем случае получите патент, который реализовать сами не сможете, в худшем — Вас просто посадят, так как Ваше изобретение общественно вредное. Кроме того, если бы это было в капиталистической стране, Вам, безусловно, заплатили бы и дали немалую сумму, а здесь, в Советском Союзе, у Вас его заберут и ничего не дадут».

Иван не нашелся что возразить на это, и больше в Новогиреевские мастерские не ездил, несмотря на письменные приглашения-уведомления начальника полигона.

Работа над «беззвучным» так увлекла Ивана, что почти не оставалось времени на учебу в институте. Все свободное время он отдавал любимому делу, но острая нужда в деньгах сильно тормозила работу.

Где же взять денег? И тут Ивану пришла в голову идея заняться изготовлением фальшивой золотой монеты. Вместе с братом он приступил к практической реализации своего замысла. Однако вскоре выяснилось, что золотая монета в обращение не пойдет, поэтому Иван переключается на выпуск серебряных монет. Для этого гальваническим методом он делает клише под полтинник и гривенник, на Центральном рынке покупает книжный пресс и заказывает мастеру депо Казанского вокзала цилиндрок с двумя поршеньками. После некоторых неудач, примерно через год, наконец удается получить чистый оттиск. Вместе с Василием, который был, по словам Ивана, «его слепым помощником», они изготавливают 100—120 полтинников из олова. Качество их было достаточно высоким. От настоящих они отличались лишь отсутствием звона и гравировки на торце монеты.

Однако заработать чеканкой фальшивых денег на продолжение экспериментов и поправку своего материального состояния не удалось. Братья сбывали подделки среди деревенских торговков, так как московские продавцы их не брали. Маргарита, сестра Ивана, наотрез отказалась их реализовывать, а Василий вскоре был задержан с фальшивым полтинником, когда хотел на него купить в киоске на Разгуляе газету. Продавщица газет подозвала милиционера, и брата забрали в отделение милиции. Но так как при нем была только одна монета и он был несовершеннолетним, его отпустили. Далее заниматься этим ремеслом было опасно. Предприятие пришлось свернуть. Все было выброшено, кроме клише. Больше к изготовлению монет они не возвращались.

4

Как бы то ни было, но работа над совершенствованием конструкции глушителя продолжалась. Молодой изобретатель подмечает необычное явление: когда стрельба ведется одним поддонком, без вставленной в него пули, получаются идеальное глушение и совершенно беззвучный выстрел. Того же эффекта можно добиться и при определенном соотношении массы пули и заряда пороха. В то же время при других весовых соотношениях или при стрельбе с пулей получался настоящий залп. В чем тут было дело? Работа глушителя в обоих случаях была безупречна и одинакова. Опять потребовались недюжинная настойчивость, упорная работа по поиску причин этого явления. После многих экспериментов Иван установил, что когда пуля имеет скорость свыше 330—340 м/с, она, рассекая воздух, создает звук, по силе мало отличающийся от нормального звука выстрела. При скоростях пули в 330 м/с и ниже этот звук мгновенно пропадает и полет пули создает лишь легкое шуршание. Митин приходит к принципиально важному заключению: все дело в скорости полета пули. Как известно, скорость распространения звука (как и скорость истечения воздуха в безвоздушное пространство) составляет

около 330 м/с. С одной стороны, пуля, идя с большей скоростью, своей головной частью толкает частицы воздуха со скоростью, равной скорости распространения звуковой волны. А с другой стороны, прорезая воздух, она оставляет за собой в хвосте безвоздушное пространство. Эти два явления порождают две самостоятельные звуковые волны, одна из которых образовывалась головкой пули, другая — на некотором расстоянии сзади хвоста пули. Когда же скорость пули меньше 330 м/с, безвоздушное пространство за ней не образуется, так как скорость истечения воздуха в безвоздушное пространство выше скорости пули. При этом головкой и хвостовой частью пули звуковые волны не создаются. Этой теорией легко объяснить причину образования хлопка при взмахе пастушьего кнута, то же — при разбивании электрической лампочки. Для молодого изобретателя эта находка стала его самым главным и особо тщательно оберегаемым ноу-хау, как сейчас говорят.

К концу 1926 года Иван изготовил новый глушитель, основанный на принципе так называемого разлетного составного пыжа. Эта конструкция глушителя по своей компактности (10—20 см) и результатам задержания пороховых газов была равноценна глушителю с поддоночным снарядом. Но она имела по сравнению с последним значительные преимущества, так как позволяла стрелять нормальными калиберными пулями при безупречной и постоянной точности стрельбы.

Желание освободиться от заградительного патрона (поддоночного снаряда-пыжа), смена которого после каждого выстрела значительно снижала темп стрельбы, побудила Митина приступить к разработке новой конструкции глушителя. На поиски оптимальной конструкции ушел еще один год. Только в 1927 году был создан глушитель с резиновыми прокладками и достигнут желаемый эффект глушения звука выстрела.

На этом практическую работу И. Митин на некоторое время приостановил и занялся целью написать книгу о беззвучном оружии, в которой хотел подробно изложить все свои практические и теоретические достижения в вопросе глуше-

ния звука выстрела. Закончив работу над книгой, он ознакомил с нею Ковровцева. Несмотря на прежний конфликт И. Митин проявляет к нему уважение как к человеку благородного происхождения, с большим жизненным опытом. Отношения между ними складываются достаточно доверительными. Ковровцев понимает, что перед ним способный молодой человек и пытается помочь Митину. При встрече он дает молодому изобретателю следующие советы: запатентовать образцы «беззвучного» оружия, тогда их легче будет продать за границей, но при подаче заявления на патентование и в описании самого изобретения не нужно указывать, что оно практически проверено, и вообще, не надо его расхваливать. Наоборот, отдельные важные детали в описании не следует указывать, а если Реввоенсовет и попытается практически проверить изобретение, то результат будет отрицательный. При таких условиях патент выдадут, даже возможно несекретный, что позволит свободно его вывезти за границу и там продать.

С 1927 года они больше не встречались, но советы Ковровцева остались в памяти, и в дальнейшем Иван следовал этим советам. Позже стало известно, что Ковровцев умер в 1928 году.

5

С приходом нэпа у И. Митина появилась надежда решить материальные проблемы путем получения большой суммы денег за свое изобретение. На молодого человека в свое время произвела сильное впечатление картина, которую он наблюдал еще студентом, будучи на практике в Туле. Там, летом 1923 года, рабочий тульского оружейного завода Тюренков выиграл в лотерею 100 000 рублей. Вместе с Тюренковым несколько дней гулял весь завод. Затем счастливчик купил тройку с бубенцами и со своей женой разъезжал по Туле. Этого Иван забыть не смог. Увиденное тогда в Туле заставило молодого инженера с удвоенной энергией работать над своим изобретением.

Однако вскоре в стране начались большие политические и экономические изменения. Нэп был свернут. С отменой нэпа ушла надежда прилично заработать и жить, не испытывая материальных затруднений.

К этому времени у Ивана уже имелись реальные достижения и несколько изобретений, которые пока были не запатентованы. Опасаясь, как бы его не надули, следуя советам Ковровцева, Иван прощупывает возможность оформления своего главного изобретения в Комитете по делам изобретений в Ленинграде. Для этого сначала он сдает свои, как он считал, «малоценные» предложения: двуносый снаряд, вечно-играющую граммофонную пластинку, поддоночный снаряд, детонатор, алюминиевый пироксилиновый порох — и добивается получения патентов и авторских свидетельств.

Желая получить за свои изобретения побольше, И. Митин в заявках пишет кроме себя еще и брата, наивно рассчитывая получить двойное вознаграждение. Кроме того, Иван рассчитывал, что наличие изобретений поможет младшему брату в дальнейшем при поступлении в институт.

В 1927 году И. Митин наконец оканчивает учебу на эксплуатационном факультете института и получает направление в наркомат путей сообщения, в экспедицию по экономическим изысканиям линий железных дорог. С этого времени значительно облегчается его финансовое положение. Как инженер экспедиции он получает 200 рублей в месяц, что позволяет ему вздохнуть несколько свободнее. Денег хватает на то, чтобы заказать у знакомого мастера Казанского депо отдельные детали для нескольких моделей своего «беззвучного» оружия. При этом мастер совершенно не догадывается о назначении изделий, выполняемых по чертежам Ивана.

6

Тяжелая, угнетающая атмосфера в стране, скудная жизнь на зарплату, невозможность получить не то чтобы достаточные, а хоть какие-то деньги за свои изобретения

заставляли Ивана искать пути отъезда за границу. Он мечтал уехать в Германию или Америку, там продать изобретение и, как он говорил, «широко пожить». Но на тот момент это была несбыточная мечта. Попасть за границу было практически невозможно.

В 1928 году будучи в командировке в Казахстане на медеплавильном заводе Митин знакомится с князем Д.И. Шаховским, работающим переводчиком при группе английских инженеров. Встречи и разговоры с англичанами и сосланными инженерами-«шахтинцами», предчувствие надвигающейся грозы, внутреннее неприятие атмосферы страха и политического давления, всего происходящего в стране окончательно убедили И. Митина, что его единственное спасение состоит в том, чтобы уехать за границу. Он чувствовал, что если этого добиться не удастся, то скорее всего его постигнет участь «шахтинцев» и князя Шаховского.

Тонкая, чувствительная натура Ивана подсказывала ему, что такие люди, как он, с непролетарским прошлым, являются обреченными в создавшейся политической обстановке. Под влиянием поездки в Казахстан Митин пишет:

Ошибка, что на свет я родился,
Жизнь другому могла быть дана,
Напрасно я так долго и упорно учился,
Жизнь для меня — все равно кабала.

Но жизнь продолжалась и, несмотря ни на что, Иван продолжал работу над своим оружием. Это работа над «беззвучным» была своеобразным лекарством, которое позволяло забыть на время о действительности и целило душу мечтой, надеждой на новое, какое-то совсем другое будущее.

Единственной возможностью попасть за границу в то время было зачисление в список лиц, направляемых для обучения по линии ВСНХ. Чтобы выдвинуться в число кандидатов, И. Митин начинает активно участвовать в общественной и политической жизни, приступает к изучению английского языка, который ему может вскоре понадобиться. Совет-

ская чистка 1929 года застаёт его в качестве «передового, общественно активного» работника. И как результат, Иван попадает в одну из групп по чистке.

Желая проявить себя как можно лучше на этой общественно-политической работе и тем самым получить возможность поездки за границу, Иван сформулировал для себя крайне циничный лозунг: «Гробь своих и на них наживай себе багаж». Он активно участвует, как тогда говорили, во «вскрытии крупного гнойника» в одной из экспедиций, состоящей на 70—80 % из царских специалистов, выходцев из семей дворян и купцов.

Заработав на этом некоторый политический капитал, Иван, однако, сразу почувствовал, как от него отшатнулись ранее близкие ему люди, считая, что он окончательно перешел в лагерь большевиков. А между тем надежды на поездку за границу так и не оправдались — туда направлялись только инженеры-партийцы.

Необходимо было вступать в ВКП(б) и тем самым повысить шанс поехать за границу, но партийная чистка 1929 года показала строгость и детальную проверку прошлого каждого члена партии. И хотя отец к этому времени уже умер, это вызывало тревогу у сына бывшего унтер-офицера жандармерии. Но и это еще не все. ЦК ВКП(б) все продумал: вступить в партию можно было только с одобрения представителей самого передового класса — пролетариата. Даже если Ивану и удалось бы скрыть свое происхождение, то по существовавшим требованиям для вступающих в партию необходимы были как минимум три рекомендации от рабочих, непосредственно связанных с производством. А это было практически невозможно, так как производства в центральном аппарате наркомата конечно же не было и контактов с рабочими И. Митин не имел. И этот вариант был отброшен.

Тогда появляется мысль продать свое изобретение через посредника, какого-нибудь командированного за границу инженера, заплатив тому определенный процент от полученной суммы. Иван был готов отдать 20—25 % от полученно-

го гонорара. Эта идея возникла у него в связи с шумными делами Матросова и Трофимова, которые совершили таким образом продажу своих изобретений (тормоза и золотников) в Америку. Но дальше размышлений дело не пошло. А тем временем участие И. Митина в чистках не прошло незамеченным, и молодого активного инженера в 1930 году назначают начальником экспедиции. И в дальнейшем не забывают: с 1931 года его переводят в перспективный и важный отдел сооружений НКПС инженером по новому железнодорожному строительству.

7

Все свободное время И. Митин продолжает посвящать своему увлечению. Добившись хороших результатов в оборудовании глушителем американской винтовки системы Винчестера, он старается усовершенствовать свое изобретение и в то же время срочно, одну за другой, подает в Комитет по делам изобретений (Комподиз) заявки на получение патентов на ряд конструкций глушителей к огнестрельному оружию. Следуя советам Ковровцева, он не расхваливает свои изобретения, давая лишь схему без деталей и расчетов, и таким образом получает ряд патентов.

Первым предложением И. Митина, за которое он получил несекретный патент, стала конструкция его глушителя с поддоночным снарядом к револьверу Нагана. Однако при этом Иван не сообщает об одном существенном элементе этой конструкции — о специальном пыже, помещающемся за поддонком. Без него прорыв пороховых газов был бы неминуем. Также в этом предложении не упоминался и специальный клапан для беззвучного выпуска задержанного в стволе газа. С удовлетворением он получает заключение Управления военных изобретений (УВИ) на свои первые конструкции, в котором сказано, что они бракуются, секретность с них снимается. Советы Ковровцева и расчет Ивана оказались верными. Дело шло, как было задумано: несекретные патенты можно было легко вывезти за границу.

Следующим предложением, за которое Митин получил секретный патент, стал глушитель, основанный на принципе так называемого разлетно-расширяющегося пыжа.

И наконец, резиновый глушитель — конструкцию, воплотившую все достижения и проверенную на практике с прекрасным результатом, он сдает последней. Это была по-детски простая конструкция, которую мог изготовить и кустарь-токарь. Однако именно она давала безупречное глушение звука выстрела и обеспечивала надежную работу всего огнестрельного оружия при обязательном выполнении ряда условий (круглоголовые пули, определенные расстояния между резиновыми прокладками и т. д.). Вскоре на эту, наиболее совершенную модель пришло уведомление с неожиданным выводом. В нем говорилось, что секретность с изобретения снимается, а патент на него не выдается, так как оно «не заслуживает внимания». Тут Иван, по всей видимости, перестарался, следуя заветам Ковровцева. Такой исход его конечно же не устраивал, так как без патента свое главное изобретение — глушитель, дающий почти 100 % глушение звука выстрела, он не мог вывезти за границу. Пришлось частично раскрыть секрет перед УВИ, и в октябре 1930 года И. Митин пишет на имя начальника штаба вооружений РККА заявление. В нем он доказывает ошибочность принятого решения и просит назначить комиссию, перед которой сам продемонстрирует свое изобретение.

В ноябре 1930 года такая комиссия была назначена, и в тире 2-го Дома Реввоенсовета было проведено испытание на беззвучную стрельбу. На испытание был предъявлен самодельный пистолет с завинчивающимся затвором, оборудованный надульным глушителем с резиновыми прокладками. Испытание закончилось безусловным успехом! Полное, 100 % глушение. Слышен лишь удар курка и стук пули о щит. Секретность была снова наложена, и дело о выдаче патента пошло на пересмотр. Идея И. Митина была признана «представляющей значительный практический интерес». Копии акта были направлены начальнику 4-го Управления штаба РККА и в Особый отдел ОГПУ тов. Смоленскому на

предмет согласования выдачи И. Митину оружия для проведения дальнейших экспериментов.

Прошло четыре месяца, и в марте 1931 года патент был присужден. Однако при этом Иван испытал сильное разочарование и досаду. Патенту был присвоен гриф «совершенно секретно», и на руки его не выдали. И опять за свое изобретение он не получил ни копейки. Снова вспомнился Ковровцев, который и в этом был прав. Вместо денег Ивану было предложено оборудовать глушителями штатное оружие комсостава Красной армии и ОГПУ: револьвер Нагана, автоматический пистолет Кольта и револьвер системы Маузера.

8

Видя, что с продажей изобретения за границу пока ничего не выходит, Иван решает поработать над предложением и посмотреть, что из этого получится. Он оборудует револьвер Нагана своим глушителем, подвергает его испытаниям, проводит измерения. И здесь добивается высокого результата. Глушение нагановского выстрела, как показала запись на звукометрическом приборе, составило 98 %. После этого Митину предложили сделать глушитель съёмным, наподобие винтовочного штыка. Когда же он поставил вопрос о вознаграждении, то помощник начальника сектора изобретений Технического штаба начальника вооружений армии (НВ РККА) Лукин заявил: «Работай, обижен не будешь. Вот ты много работал над этим вопросом, нужно, чтобы это было не только твоим достоянием, но и нашим. Опиши подробно весь процесс глушения звука выстрела, его природу и все могущие быть методы глушения с теоретическим расчетом и практическим обоснованием. В общем все, что у тебя накопилось, тогда и получишь по заслугам».

Противоречивые чувства обуревали молодого инженера. Досада стискивала зубы, не давала выплеснуться наружу эмоциям. И только губы беззвучно шевелились, произнося слова, которые ненадолго облегчали душу. Обида

порождала злость, отнимала волю и упорство в работе над любимым детищем. Бессилие перед могучей государственной машиной вызывало апатию и чувство обреченности. Что тут можно сделать? К тому, что он лишился возможности иметь в своем распоряжении патент, он еще безвозмездно отдает первый образец своего глушителя для револьвера, над конструкцией которого работал многие годы. Оставалась лишь слабая надежда, что если он даст Реввоенсовету все, о чем говорил Лукин, то, возможно, получит достойное вознаграждение за свои труды. Но тут же возникало неприятное чувство пустоты где-то над сердцем и появлялась мысль: «А что, если я напишу свою книгу, изложу в ней все, что знаю, отдам на все сто процентов свое изобретение РККА, а она не заплатит ничего?» Ключевые слова «мечь» и «бьет» сложились в четверостишие, рифма стучала в висках:

Ненависть, злоба и мечь
С каждым днем все растет и растет.
Конец. Но выход один есть.
Сто — вам, сто — мне, или «беззвучный» бьет.

В этих энергичных клокочащих строках протест и тайные мысли о расплате за все обиды и унижения, за идущую наперекосяк жизнь, за растоптанные надежды. Ведь у него есть такое оружие, которое он может применить против обидчиков! «Беззвучный» бьет — вот его тайный ответ на несправедливость происходящего.

9

Но жизнь брала свое. Напряженная 12—14-часовая, требующая самоотдачи и ответственности работа в отделе нового строительства наркомата, общение с коллегами, возможность выговориться в кругу близких и хорошо понимающих его брата и сестры приглушили бурю эмоций в душе Ивана.

В конце концов И. Митин понимает, что предложение Лукина отвечает и его интересам, совпадает с его собствен-

ным желанием. Иван заставляет себя заняться составлением наиболее полного труда по итогам своих изысканий. Тем более что немалая часть работы уже была сделана при подготовке той первой книги четыре года назад.

Работа над книгой несколько отвлекла Митина от темных мыслей. Почти год он увлеченно занимался систематизацией накопленного теоретического и практического материала.

В 1932 году Иван закончил написание труда о принципах глушения звука выстрела и конструкции изобретения. Отпечатал книгу в четырех экземплярах и один отправил через спецчасть НКПС в Управление военных изобретений Технического штаба НВ РККА. Это был объемистый том: 400 страниц, более 200 фотографий и чертежей. При подготовке этой работы изобретатель использовал, наверное, весь материал, который имелся в СССР, подробно изложил свой многолетний опыт. В этот труд он вложил, как говорят, «всю душу» и без малого отдал «сто — вам», все что знал, все свои достижения в области глушения звука выстрела. В процессе написания книги И.Г. Митин теоретически разработал ряд вопросов по внутренней и внешней баллистике «беззвучного» огнестрельного оружия.

Все «беззвучное» оружие он делил на три группы:

полевое (винтовка, карабин-пулемет с дальностью действия до 1 км, калибр 5,5—6 мм);

для населенных местностей (дальность до 500 м, калибр 4—4,5 мм);

конспиративно-диверсионное (для действия на близких дистанциях, калибр 2,5—3 мм).

Калибр при этом определялся как писал И. Митин, «шумом-шуршанием» пули.

Митин готовил книгу не только для себя. Поэтому не стал подробно описывать так называемое конспиративное огнестрельное оружие, оставив это «для себя», не решившись поместить в книгу. А писать было о чем! Это направление очень привлекало Ивана, больше отвечало его мечте о со-

здании незаметного миниатюрного бесшумного огнестрельного оружия.

Один из вариантов, над которым работал Митин, — разместить оружие в корпусе авторучки. Такое приспособление, имея один боевой патрон-капсюль, позволяло произвести только лишь один выстрел. Затем требовалась перезарядка. Калибр пули был довольно мал — около 2 мм, что не позволяло ожидать особого эффекта при поражении. Привести к смерти могло только поражение самых уязвимых органов человека — головного мозга или сердца. А так как попасть со значительного расстояния без прицела в жизненно важную точку сложно, предполагалось использовать сильный яд, например, цианистый калий. Митин предлагал разместить яд в специально высверливаемом в пулке отверстие. Пулька, начиненная ядом, должна была вызвать мгновенное отравление всего организма и повлечь неминуемую смерть. Отсутствие же звука выстрела и незначительное наружное ранение должны были вызвать у присутствующих представление, что с человеком просто случился обморок.

Одновременно Иван обдумывал возможность разместить «беззвучное» оружие в бинокле. При этом точность, надежность поражения цели была бы гораздо выше. К обыкновенному театральному биноклю пристраивалась специальная ручка по образцу бинокля-лорнета, в которую помещался стреляющий механизм с глушителем. В одной из оптических трубок бинокля по типу геодезических приборов можно было натянуть сетку нитей, что служило бы прицелом. Это позволило бы получить довольно большую точность прицеливания, а следовательно, и максимальный эффект поражения. Еще одним преимуществом стало бы то, что такой бинокль в отличие от «вечного пера» мог быть многозарядным (до 12 зарядов). Однако конструирование такого стреляющего бинокля было сопряжено серьезными техническими проблемами. Но трудности не пугали молодого инженера, а близкая возможность осуществления своей мечты давала дополнительные силы. Митин сразу приступает

к изготовлению деталей для опытных образцов такого оружия. К 1933 году он уже имел 2,5-мм ствол для «вечного пера» и 3,25-мм — для «бинокля». Однако изготовление остальных частей для этого вида оружия задерживалось — куда-то запропал токарь, который выполнял заказы Ивана.

Продолжая работать над миниатюрным оружием, в августе 1933 года И. Митин сделал маленький пистолет калибра 3,25 мм и даже практически проверил его в обычной уличной обстановке. Для этой цели в 6—7 вечера при оживленном движении пешеходов, сидя на лавочке Сухаревского бульвара, Иван незаметно произвел из пистолета два беззвучных выстрела вверх в воздух. Выстрел также был произведен и с задней площадки трамвая, когда на ней находились 5—6 человек и вагон трамвая проходил площадь Разгуляй. Следующий выстрел из того же пистолета, также вверх, был произведен в непосредственной близости от постового милиционера, стоявшего у Сухаревской башни лицом к улице Сретенка. При этом Иван проходил в 4—5 шагах сзади него. Во всех случаях ни своими действиями, ни звуком выстрела, ни легким стуком ударного механизма беззвучного оружия Митин не обратил на себя внимания. Это окончательно убедило его в достаточно надежной и бесшумной работе такого оружия. Для еще одной проверки работы своего оружия в помещении он в начале сентября пошел с тем же пистолетом в кинотеатр «Форум», где намеревался произвести выстрел по экрану. Но случившаяся из-за плохого качества пистона осечка не позволила осуществить этот эксперимент. Больше подобных проверок он не проводил, так как был твердо уверен в блестящем результате.

В это же время ОГПУ дает И. Митину задание оборудовать глушителем миниатюрный 4-мм пистолет «Лилипут». По заданиям сотрудников Особого отдела ОГПУ Волкова и Милославского Митин трудится над созданием «беззвучного» оружия конспиративного действия. Очевидно, что изобретение Митина больше интересовало ОГПУ, чем Наркомвоенмор. Для Красной Армии более интересным было глушение выстрела пулемета, винтовки или пушки.

В начале 1933 года И. Митин был вызван к начальнику Управления военных изобретений Новикову, который к тому времени уже ознакомился с книгой изобретателя. Среди прочего речь зашла и о вознаграждении за проделанную работу. Новиков спросил инженера, сколько он хочет за свой труд. Ответ у Митина был уже давно выношен и обдуман. Он сказал, что такую работу нужно рассматривать вместе с изобретением и оценку в отношении оплаты давать сразу за всю работу в целом, однако при этом конкретную сумму назвать не решился. Новиков пообещал поставить дело на рассмотрение оценочной комиссии, а пока отправить книгу в Ленинградскую военную артиллерийскую академию профессору Андрееву для ознакомления и научной оценки.

Вскоре пришло заключение на книгу. Это был более чем одобрительный отзыв. Профессор сожалел, что труд является секретным и его нельзя иметь у себя в качестве настольной книги. Со своей стороны он полагал крайне желательным издать работу, изъяв из нее секретный материал.

Получив такой восторженный отзыв от ведущего специалиста страны, военное ведомство наконец-то зашевелилось. Сразу после ознакомления с рецензией профессора, в феврале 1933 года, Новиков отдал приказ подготовить к испытаниям глушитель И.Г. Митина в последнем конструктивном исполнении. Выполняя это приказание, работник Управления военных изобретений связался с Митиным.

Однако выяснилось, что револьвера с глушителем у последнего в тот момент на руках не было, а находился он в ОГПУ у одного из сотрудников Московского остехбюро ОГПУ* тов. Синицина. Пришлось работнику УВИ связаться с Синициным с просьбой предоставить оружие с глушителем для испытаний.

* Одно из многочисленных особых конструкторских бюро в составе ОГПУ, в которых в начале 30-х годов использовался труд осужденных специалистов. (Примеч. авт.)

Вскоре в тире 2-го Дома Реввоенсовета в присутствии Новикова и двух представителей Особого отдела ОГПУ И. Митин продемонстрировал возможности глушения звука выстрела. Однако на сей раз результаты были не очень хорошие. Сказался конструктивный дефект — глушитель был неплотно подогнан к револьверу. Иван пообещал это устранить.

После этих испытаний было решено, что в дальнейшем Митин будет проводить свою работу непосредственно под руководством Особого отдела ОГПУ, и под расписку работник УВИ вернул инженеру тот самый револьвер Нагана с глушителем.

Все было хорошо, но снова о вознаграждении не было сказано ни слова. В очередной раз посещая Технический штаб НВ РККА, Митин теперь беседует уже с А. Кононенко — заместителем Новикова. Пришлось И. Митину подробно вводить очередного начальника в курс своего дела. Иван настойчиво поставил вопрос об оплате за проведенную работу, на что Кононенко заявил, что книга передана в научно-исследовательский отдел Главного артиллерийского управления, с которым теперь и надлежит решать вопрос по оплате. При этом он добавил, что пока изобретение не реализовано, ни о какой оплате и речи быть не может. Последующий разговор с начальником научно-исследовательского отдела Заходером закончился тем, что тот пообещал заслушать доклад Митина и после этого решить вопрос о вознаграждении за книгу.

Все эти бюрократические проволочки и отговорки безмерно раздражали Ивана. При этом он чувствовал свою беспомощность перед могучей бюрократической машиной, невозможность что-либо изменить. Ведь он уже выполнил все требования: написал книгу с подробными пояснениями, практически полностью показал свое изобретение. Неужели более чем десятилетний труд и оригинальная идея не будут достойно вознаграждены? Отдавать бесплатно свои достижения власти, которая не считала Ивана пол-

ноправным членом общества и которую Иван взаимно считал чуждой ему, он не мог.

Как человек талантливый, творческий, одаренный, И. Митин был чуток к политической обстановке в стране. Его ни в коем случае нельзя было представить как инженера-отшельника, фанатично занимавшегося только своим научным ремеслом. Свое недовольство существующими порядками, поднимавшимся валом репрессий на разгромленную, но еще существующую оппозицию Сталину он выражал в разговорах с коллегами по работе. Недовольных новыми порядками и политическим давлением среди инженеров и специалистов в начале 30-х годов было пока еще достаточно. Не зря Сталин так стремился расправиться именно со «старой гвардией» — теми, чьи взгляды изменить было уже невозможно.

Таким был и коллега Ивана, старший инженер планового отдела НКПС Петр Орелкин, сын бывшего статского советника. Орелкин прямо говорил, что советская власть относится к специалистам несправедливо, что сплошь и рядом они служат материалом для создания и раздувания судебных процессов.

Летом 1933 года Иван отдыхает в доме отдыха в Алуште. Там же оказался приятель Митина старший инженер планового отдела НКПС Д.Л. Рабинович. Многие часы они проводили вместе, откровенно обсуждая все, что так наболело на душе. Иван с жадностью слушал рассуждения умного, обладавшего большим политическим кругозором коллеги о существующей власти. И хотя они были одногодками и однокашниками по факультету института путей сообщений, Давид Рабинович уже имел политическое прошлое. В 1927 году он был исключен из ВЛКСМ за троцкистскую деятельность. Его брат Лазарь являлся одним из руководителей объединенной оппозиции в том же институте, за что в 1927 году по партийной линии получил выговор, и был на грани исключения из рядов ВКП(б) как не оправдавший доверия партии. Его родная сестра и ее муж были активными политическими деятелями меньшевистской фракции

партии и постоянно преследовались за свои политические убеждения. В 1924 году сестра была заключена в лагерь сроком на 3 года, в 1927 году выслана в Нарымский край на 3 года. Ее муж в 1921 году был обвинен в издании контрреволюционной литературы и выслан под гласный надзор сроком на 1 год. Позже, в 1926 году, за антисоветскую меньшевистскую деятельность он был выслан в Сибирь на 3 года, а по окончании срока высылки лишен права проживания в городах с высшими учебными заведениями и в погрангуберниях. В 1930 году он был снова лишен свободы на 3 года, а в 1933 году после досрочного освобождения был выслан в Северный край сроком на 2 года.

Можно только удивляться разнообразию применяемых мер наказания, цель которых состояла в недопущении какого-либо несогласия с линией ВКП(б), подавлении любой оппозиционности и инакомыслия в партии.

Прогуливаясь в окрестностях Алушты вдали от все слышащих стен, коллеги могли свободно поговорить о запретном. Иван был уверен в своем товарище, а вот Рабиновичу следовало бы быть поосторожнее, ведь Митин уже принимал участие в проводимых в наркомате чистках и показал, что для достижения своих целей способен поступаться принципами.

Как все то, о чем говорил Рабинович, было правильно! И то, что жизнь крестьян становится все хуже, так как за счет их благосостояния повышается уровень жизни рабочих. И что отсутствие конкуренции, монополия государства на все превращают трудящегося в раба, лишая его пресловутого Юрьева дня. «Хорошо, — говорили они, — было М. Горькому описывать свою бродячую жизнь, которая стала теперь невозможна!». И еще многое другое... Страна была полна слухами о небывалом голоде на Украине весной 1933 года, где вымирали целые селения, а на улицах городов по утрам, торопясь успеть до рассвета, собирали сотни трупов умерших от голода. Шепотом и намеками поговаривали о случаях поедания людей. При этом на всех поездках, иду-

щих из Украины, действовали специальные отряды, снимавшие беженцев, находящихся на грани голодной смерти, стремящихся попасть в Москву, Ленинград, да просто выехать куда-нибудь. Власть же называла это «некоторыми трудностями с продовольствием». Обсуждали и введенные во всех организациях политотделы, которые рассматривались людьми как особые органы ОГПУ. Говорили и о предстоящих чистках Центрального Комитета ВКП(б). Давид Рабинович, как человек более компетентный в этом вопросе, ожидал исключения из партии своего брата Лазаря, а затем и удаления его самого из Москвы. Ему не позволят работать в наркомате путей сообщения, полагал Рабинович. Предстоящая чистка рассматривалась им как наиболее суровая из всех проходивших ранее в отношении к оппозиционерам, которых он считал более талантливыми и умными людьми. Лучшие умы, по мнению Рабиновича, уходят из партии. «Партия мельчает», — говорил он. А вот в чем Рабинович ошибался, так это в том, что, по его мнению, такое продолжаться долго не могло. Он считал, что свержение существующей власти, а особенно сталинской группировки, было неизбежно.

К сожалению, у Д. Рабиновича отпуск закончился раньше, и он уехал в Москву, а Иван ненадолго остался наедине со своими мыслями. Вскоре ему предстояло очень важное событие — представление своего изобретения в научно-исследовательском отделе Главного артуправления. От этого доклада зависело очень многое: и как сложится дальнейшая судьба его изобретения, и как решится вопрос о вознаграждении за его многолетний труд.

Вернувшись на неделю раньше из дома отдыха, Митин использует эти дни на подготовку доклада в Главном артуправлении у Заходера. На заседание, которое было назначено на 1 августа 1933 года, были приглаше-

ны крупные специалисты в области стрелкового и артиллерийского вооружения.

Защита изобретения перед солидной аудиторией прошла успешно! Результатом доклада и последовавшего обсуждения стало решение о создании ячейки по «беззвучному» огнестрельному оружию при полигоне в Голутвино. Ячейку должен был возглавить И. Митин. На исследования была намечена сумма в 60 000 рублей, которая должна была пройти по бюджету 1934 года. К работе планировалось приступить с 1 января 1934 года. Кроме И. Митина в ячейку были включены еще два изобретателя — Вольский и Короленко, причем последний приступил немедленно к закупке необходимой аппаратуры.

Дело сдвинулось в практическую плоскость и должно было в ближайшем будущем принести вполне осязаемые результаты, ведь у Ивана уже многое было проработано и испытано в кустарных условиях. И вот наконец-то было принято решение о денежном вознаграждении. Но что это? Молодому изобретателю за всю проделанную им работу была выдана премия в 1000 рублей, которая окончательно похоронила все мечты и надежды Митина на получение крупной суммы денег. Однако в это же самое время набирал обороты другой маховик... Вскоре произошло вполне объяснимое, предсказываемое знакомыми и коллегами Ивана, да и вполне предвиденное им самим. Только случилось это, как всегда, неожиданно и застало его врасплох. Уж слишком он был занят предстоящей работой над «беззвучным». Нет, когда угодно, но не сейчас! Однако...

4 октября 1933 года, возвращаясь поздно вечером из своего наркомата, Иван остановился, чтобы прикурить. Как только он поднес руки с зажженной спичкой к сигарете, к нему подошли два человека в штатском, один — сзади, другой — спереди. Один из них приказал не шевелиться, держа направленный на Митина пистолет. Они быстро обезоружили его, и Иван оказался во внутренней тюрьме Лубянки.

В руки ОГПУ попала убийственная улика против И. Митина — написанная им накануне на листке из школьной тет-

ради листовка с громким названием: «Воззвание Центрального штаба действий к работникам железнодорожного транспорта». Ее содержание имело ярко выраженную антисталинскую и антисоветскую направленность и по тем временам представляло собой пример уже давно не виданной дерзости по отношению к существующему режиму. Вот текст этого воззвания, каждое слово которого бьет прямо в цель.

К работникам железнодорожного транспорта Знай правду о «Свободной» Стране Советских Рабов (СССР)

1. Где обещанные 7—8 часов труда? Кто из вас работает меньше, чем при царском режиме? Общественные нагрузки, субботники, встречные, ударничество и прочие виды мифического социалистического труда лишили трудящегося даже минимального времени для отдыха и сна.

2. Где обещанные «каждому по потребностям»? Ложь. Нищенская зарплата (3—7 руб. золотом в месяц). Кто из вас получал столько в дореволюционное время? Никто.

3. Где обещанный свободный труд? На деле — рабство. Монополия труда в руках государства отняла у трудящегося даже пресловутый «Юрьев день», бывший при крепостном праве. Кто из вас располагает собой? Никто. Ты раб, с тобой что хотят, то и делают, куда хотят, туда и посылают, что заставят, то и делай, что дадут, то и бери, в противном случае, если раб не слушается, он не ест, он умрет с голоду, его выгонят из помещения.

4. Где свобода слова и печати? Чужь. Говори и пиши только за коммунистов. Почему даже в капиталистических странах есть свобода печати и выходят коммунистические газеты и журналы? Трусят. Им нельзя допустить, чтобы трудящийся знал правду.

5. Где все остальные обещания? Миллионы заключенных, ссыльных, тюрьмы, расстрел без суда, пытки в застенках, голод и рабский труд — вот что вместо обещанного. Полтора-миллионная опричнина палача рабочего класса Сталина сковала цепями 160 миллионов народа. Прошло 17 лет, и с каждым годом кабала усиливается. Палач нагнет. Миллионы жизней уходят, и обманутые продолжают ковать для себя цепи. Вас

воспитывают в рабском покорении и рабской религии. Растут молодые рабы, которые не имеют понятия о свободной жизни. Ты обманут.

Если ты не хочешь быть рабом, если ты не трус и не предатель, знай, что надо делать:

1. Объединяйтесь в группы, проверяя людей делом.
2. Создавайте станционные, участковые и дорожные штабы действия.
3. Связывайтесь с трудящимися городов и сел и там организуйте такие же штабы.
4. Саботируй выполнение всякого советского задания как по службе, так и на стороне, применяя все возможные способы, помня, что в противном случае ты закрепляешь свое рабство.
5. Если организация еще не оформилась, действуй в одиночку.
6. Разрушай все, что можно, помня, что ты разрушаешь рабский строй.
7. Вооружайтесь.
8. Уничтожай опричнину — коммунистов и их прихлебателей.
9. Готовь вооруженное восстание.

Центральный штаб действий

Многое из этого воззвания окончательно вызрело у Ивана во время долгих бесед с Рабиновичем, многое он чувствовал и понимал сам, что-то пришло под влиянием взглядов Петра Орелкина.

Текст был написан И. Митиным 4 октября, т.е. в тот же день, когда его арестовали. В наркомат листовку он принес, чтобы показать и обсудить ее содержание с коллегой по работе инженером планового отдела В.Н. Долинским, с которым они также нашли общий язык якобы на почве недовольства существующими порядками. Однако листовка оказалась в ОГПУ, как только на ней высохли чернила. По всей видимости, Долинский по заданию оперработника спровоцировал Митина на написание листовки, а когда она оказалась у него в руках, сразу же передал в ОГПУ. Иван тут же был взят с поличным.

Ко времени ареста кроме вышеназванной листовки у ОГПУ имелись и другие материалы, которые по меркам того времени считались преступными. Некоторое время до ареста за Митиным негласно велось наблюдение и прослушивалась квартира, где проживали Иван, Василий и Маргарита Митины. Вдобавок и сам Иван, очевидно по причине своей политической наивности, был не очень осторожен. Его рассуждения о методах свержения ненавистной власти не находили поддержки даже у Давида Рабиновича, который предостерегал: «Горячий ты, Ваня, держи себя поосторожней, иначе тебя быстро сцапают. Террор и вооруженное восстание для настоящего момента неприемлемы, все можно сделать тише и спокойнее, для чего нужна политическая борьба».

Версия, что это была тщательно продуманная операция Транспортного отдела ОГПУ, находит подтверждение в материалах следственного дела и выглядит вполне правдоподобной. Так, на протяжении нескольких месяцев следствия В. Долинский ни минуты не был на подозрении как участник той самой контрреволюционной группы, которую якобы организовал Митин. Он выступал только в качестве свидетеля, в то время как Рабинович и Орелкин, которые не имели никакого отношения к составлению листовки, проходили по делу как участники-заговорщики, члены Центрального штаба действий.

Листовка-воззвание по своему содержанию давала широкий простор для фантазии, что и было максимально использовано следователем ОГПУ Бененсоном для превращения неосторожно высказанных на бумаге мыслей отдельного человека в план действий контрреволюционной, владеющей опасным оружием организации террористов.

Как и многие другие следственные дела 30-х годов, дело Митина изобилует несуразницами, отсутствием фактов, подтверждающих предъявленное обвинение, лишено логики и здравого смысла и почти все построено на признании своей вины и показаниях Ивана на всех «участников контрреволюционной террористической группы». Также

в основу дела легли показания против себя Василия и Маргариты Митиных, признание ими своей вины.

При гласном, открытом рассмотрении этого дела, да еще при наличии адвоката оно бы рассыпалось в течение первых нескольких минут. Но Особая коллегия ОГПУ в то время, по-видимому, не особенно задавалась вопросами истинности показанного обвиняемыми, которые «стремились полностью разоружиться перед народом». Для нее все было ясно и понятно: все, проходящие по делу, происходили из чуждой среды, имели негативное отношение к советской власти. Остальное было не особенно важно.

13

Во время допросов на Лубянке И. Митин был сломлен. Сказались характер Ивана, его качества, которые проявились во время чисток 1929 года, когда вопреки своим убеждениям он мог стать на чуждую ему сторону для достижения своих корыстных целей. В первые дни, желая представить листовку-воззвание как написанную им для «прощупывания» позиции коллег и выявления их «истинного» лица, с тем чтобы потом проинформировать ОГПУ, Митин пытался запутать следователей. Однако вскоре понял, что придуманная им на ходу версия выглядит совершенно неубедительной. И тут, не без помощи следователей ОГПУ, он понимает, что его ждет. Месяц спустя после ареста, доведенный до отчаяния и не видя выхода, Иван дрожащей рукой пишет на обрывке оберточной бумаги предсмертную записку, упоминая в ней и злополучного Долинского, и осколком стекла вскрывает себе вены... Все! Жизнь закончилась. Прощай, тройка с бубенцами, прощай, сытая и безбедная жизнь, прощайте, мечты о славе и богатстве!

Но на этот раз ему не суждено было умереть. Бдительный охранник Бутырского изолятора вовремя заметил лежащего без движения заключенного, и Митин был спасен.

34

Иван Григорьевич Митин, 1933 год

Василий Григорьевич Митин после ареста в 1933 году

С «того света» вернулся уже другой человек. Он охотно дает показания, аккуратно и тщательно описывает все, о чем его спрашивают. Отстраненно, с ненужными и даже опасными подробностями пишет о себе, своем брате, сестре. Под диктовку следователя Бененсона представляет свои исследования в области «беззвучного» оружия как проводимые с единственной целью — создать оружие для покушения на руководителей страны. Говоря о брате Василии, он покорно подтверждает, что тот принимал самое активное участие, был в курсе всех основных достижений, помогал в нелегальном приобретении огнестрельного оружия (тот просто, бывало, воровал его). Кроме того, убеждал Ивана прекратить передавать «беззвучное» оружие Управлению военных изобретений, порвать с УВИ и ОГПУ. Следователям это и было нужно: как же без Василия — организации не получится!

Иван уже почти любит ОГПУ. Он пишет: «Передо мной проходили процессы вредителей и террористических актов. Я давал им свою оценку, повторял лозунг Сталина “Техника в период реконструкции решает все”. Так, как раньше вредили, так, как производились до этого теракты, для сего дня старо. Для этого нужно заставить служить технику, и я заставляю ее служить врагам Советской власти, дав “беззвучное” огнестрельное оружие. Считая себя обреченным, проникшись есенинскими мыслями, я перестал уважать и ценить свою жизнь. Человек, дошедший до такого состояния, способен либо на самоубийство, либо на совершение терактов. Прочитав книгу самоубийцы, я решил, что если умирать — вопрос решенный, то нужно отомстить за свою жизнь. Обыватель по-своему представляет работу ОГПУ. Чем умирать замученным в застенках ОГПУ, я предпочитал самому покончить с собой. Но нет ничего сильнее, чем действующее даже на дикого зверя внимательное отношение и заботливость. Все, что я себе мысленно рисовал о “застенках”, разбилось в несколько дней. Уяснив же в действительности, что ОГПУ не только карает, но и перевос-

питывает людей, я был совершенно сбит со своей казавшейся мне твердой платформы. Трудно передать все свои переживания за очень короткий, но для меня очень большой, месячный срок. Анализируя всю свою жизнь, все свои поступки, все свои мысли, я чувствую невольную неловкость за проявленную заботливость и вежливость к такому низкому человеку, каким я стал. Требуя от Управления военных изобретений за свое изобретение 100 000 рублей, я даже в последнем случае скрыл от УВИ целый ряд основных данных, касающихся “беззвучного” оружия...

Признавая совершенное мною тяжелое преступление и еще более тяжкое, к которому я готовился, разоружаюсь полностью и своей исповедью искренне желаю помочь уничтожить весь созданный мною гнойник на здоровом теле рабочего класса.

Свой пройденный позорный путь, контрреволюционную работу и все свои преступные мысли, направленные на свержение Советской власти, я со всей решительностью осуждаю, порываю со всем своим прошлым бесповоротно навсегда.

Я молод, довольно упорен и настойчив в своей технической работе, имею достаточно сил и энергии, для того чтобы искупить совершенное мною тяжелое преступление.

Я имею 14-летний опыт в работах над “беззвучным” огнестрельным оружием, предназначавшимся мною для борьбы с рабочим классом. Если найдете это возможным, отдам всю свою энергию и знания, для того чтобы это оружие стало достоянием рабочего класса и послужило приближению Мирового Октября. В возможно минимальный срок я обязуюсь дать лучшие образцы “беззвучного” огнестрельного оружия. Этой работой я практически, насколько возможно, постараюсь показать, что и из меня может быть человек.

Теперь жизнь для меня наступает иная,
К черту старое, с ним навсегда порываю,
Отдам всю энергию, ум и свою архивную массу,
А “беззвучный” пойдет на службу рабочему классу.

И.Г. Митин, 6—7 декабря 1933 г.»

После чистосердечных признаний И. Митина, арестов и допросов всех проходящих по делу следствием было завершено написание обвинительного заключения.

Формула обвинения звучала таким образом:

«В НКПС Транспортным отделом ОГПУ раскрыта и ликвидирована контрреволюционная террористическая группа. Ход следствия показал, что контрреволюционная террористическая группа была исключительно законспирирована, имела в своем распоряжении оружие и боеприпасы, причем для осуществления терактов намечала использовать специальное оружие с “беззвучной” стрельбой.

Организатором и руководителем контрреволюционной террористической группы был инженер И.Г. Митин, он же изобретатель огнестрельного оружия с “беззвучной” стрельбой.

Контрреволюционная террористическая группа, зародившаяся в марте — июле 1933 года, ликвидирована в период ее организационного оформления и активизации подготовительных мер по осуществлению актов центрального террора».

Группа, согласно версии обвинения, состояла из следующих лиц: кроме Ивана Митина в нее входили брат — Василий Митин, сестра — Маргарита, а также коллеги Ивана по наркомату — инженеры Петр Орелкин и Давид Рабинович.

Следователя Бененсона не смущал факт, что ни Орелкин, ни Рабинович в глаза не видели и не знали, что Митин написал листовку-воззвание, а брат Василий уже несколько месяцев был в командировке и, естественно, также не имел представления о листовке. Сестра Маргарита вообще была далека от политических вопросов, и ее главная вина заключалась в том, что все Митины проживали в одной квартире и она присутствовала при разговорах братьев, открыто выражавших недовольство существующими порядками.

Однако требовалась именно «организация», и в нее были включены все неблагонадежные из ближайшего окружения Ивана.

Далее обвинение продолжало: «Основным методом борьбы с Советской властью контрреволюционная группа избрала террор. Для осуществления терактов над членами правительства и руководителями ВКП(б) группа располагала огнестрельным оружием, боеприпасами и специальным конспиративным оружием “беззвучной” стрельбы, изобретенным И. Митиным и В. Митиным.

Для осуществления терактов контрреволюционная группа вела исключительно интенсивную подготовку. Места проведения терактов: Кремль, который по роду своей службы в НКПС И.Г. Митин посещал неоднократно, заседания ЦИК и СНК. Большой театр — удобное место, где на проходящих в нем торжественных собраниях, съездах Советов, вечерах можно было встретить членов правительства, а при случае — и Сталина. Соответственно намеченным вариантам контрреволюционная группа приступила к изготовлению специально приспособленного оружия, наиболее удобного, по определению членов контрреволюционной группы, для каждого варианта в отдельности».

Спустя несколько недель к обвинениям в террористической и контрреволюционной деятельности прибавились и обвинения в фашизме. Следует сказать, что тема фашизма в это время (а шел 1933 год) была актуальна, особенно в связи с победой национал-социалистов в Германии. Это находило отражение в советских газетах, обсуждалось в обществе. Естественно, обсуждения и обмен мнениями по этому вопросу велись и среди коллег Митина по наркомату путей сообщения. Митин с симпатией относился к фашизму, считал его идеи привлекательными, часто спорил с Рабиновичем, который не был в восторге от взглядов национал-социалистов по причине их откровенного антисемитизма.

Следствие не стало разбираться в тонкостях суждений обвиняемых, и спустя некоторое время «контрреволюционная

террористическая группа НКПС» стала еще и «фашистской организацией». Иван покорно подтверждает, что создаваемая им контрреволюционная организация преследовала целью свержение существующего коммунистического строя и установление в СССР фашизма. «Я решил служить фашизму», — пишет он в своих признаниях. И явно под диктовку следователя продолжает: «Передавая фашизму свое изобретение — “беззвучное” огнестрельное оружие, я дал бы возможность фашистам использовать его для борьбы со своими противниками — коммунистами».

16

Если работу следствия с арестованным И. Митиным можно было считать успешной, то с некоторыми другими членами террористической группы все было не так просто.

Было ясно, что ни Рабинович, ни тем более Орелкин, как уже говорилось, не имели никакого отношения к созданию листовки, хотя наверняка все, что там написано, было им близко. Они смутно представляли, чем в свободное от службы время занимался их коллега Митин. Рабинович только с немногих слов Митина знал, что тот занимается каким-то специальным стрелковым оружием, видел книгу Митина, которую Иван приносил в наркомат для отправки секретной почтой в штаб вооружений РККА, но не более.

Рабинович и Орелкин оказались людьми совершенно иного типа, и следствию не удалось выудить из них показаний ни против себя, ни против других «членов организации». Давид Рабинович держался спокойно, уверенно, твердо. Понимая, что против него нет никаких улик, он отвергал все показания Ивана Митина. На очных ставках вел себя спокойно, отвечал лаконично, не давая следствию зацепиться за неосторожно оброненное слово.

Петр Орелкин и в повседневной жизни был весьма своеобразным человеком. Он не участвовал ни в каких общественных и партийных делах, но иногда мог ввернуть острый политический анекдот, сожалел, что имеет высшее об-

40

разование, и мечтал быть рабочим-золотарем, категорически отказывался от продвижения по службе. Насмешливый и дурашливый, он превращал очные ставки в карикатуру, доводя следователя до бешенства.

Будучи осведомителем ОГПУ (видимо по принципу «лишь бы отстали») он «вовремя» не сообщил о занятиях Ивана Митина, так как «не придавал этому значения».

Что касается брата, то вовлечь Василия в созданную летом 1933 года контрреволюционную террористическую фашистскую организацию, по признанию самого И. Митина, не получилось по причине отсутствия брата в Москве. Из длительной командировки Василий вернулся лишь в декабре 1933 года, уже после ареста Ивана. Тем не менее следствие считало, что Василий и Маргарита Митины подлежали аресту, так как были в курсе контрреволюционных целей И.Г. Митина.

На допросах Василий не остается в долгу перед старшим братом (а возможно, он делал это по просьбе Ивана, который решил взять всю вину на себя и тем самым спасти близкого человека). На словах В. Митин раскаивается в совершенном преступлении, сваливая все на Ивана: «Становятся страшными моя близорукость и тот путь, на котором я находился. В этом, безусловно, виноваты мое воспитание и те политические взгляды, которые мне привились благодаря влиянию брата».

Само собой разумеется, что сестра Маргарита участвовала в разговорах братьев, часто соглашалась с ними, особенно когда речь заходила о большевистской диктатуре, мнимой свободе слова, тяжелой жизни, о том, что народом управляют больше евреи и армяне, о насилии над крестьянством и принудительном создании колхозов. Да мало ли о чем могли говорить люди в семейном кругу! В ее присутствии братья свободно обсуждали и вопросы, касающиеся их работ по огнестрельному оружию.

Что же могла рассказать немолодая, не очень счастливая женщина о коварных планах Ивана? Тут ей на помощь приходят следователи ОГПУ: «Использовать оружие

41

“беззвучной” стрельбы в борьбе с Советской властью брат Иван мыслил следующим образом: пробраться за границу, запродать там свое изобретение, наладить там массовое изготовление и нелегально наладить его отpravку в СССР. На случай каких-либо осложнений в стране и войны с Советской Россией этим оружием можно будет внести опустошение в тылу и в армии». Всего-то, пара пустяков!

Таким образом, фашистская контрреволюционная террористическая организация под грозным названием «Центральный штаб действий» выглядела довольно комично, если бы не трагические последствия для ее «членов».

Однако все эти несуровости для следователя Транспортного отдела ОГПУ Бененсона — не проблема: «Все члены группы достаточно изобличаются»...

И вот 28 февраля 1934 года Коллегией ОГПУ СССР И.Г. Митин приговаривается по ст. 58-8 УК к высшей мере наказания с заменой на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Остальные участники группы получили меньшие сроки.

Во время проведения следствия все обвиняемые по делу содержались под стражей в Тюремном отделе ОГПУ, в изоляторе Особого назначения (Бутырском изоляторе). В апреле 1934 года Иван и Василий Митины под усиленным конвоем направляются в г. Свободный (не лишены были черного юмора наши предки!) для заключения в БАМЛАГ ОГПУ. Немного позже туда же были направлены и другие участники группы — Рабинович и Маргарита Митина. Петр Орелкин был этапирован в г. Мариинск, СИБЛАГ ОГПУ. Хотя через некоторое время братья Митины и Орелкин окажутся вместе в Соловецком лагере.

Наказание И. Митин отбывал сначала на строительстве БАМа. Первое время он работает на основных работах. Потом как специалист назначается в проектно-сметное бюро техником, а затем инженером. На ударной стройке вторых

путей БАМа Иван показывает себя с положительной стороны и даже получает благодарность в приказе начальника 9-го отделения БАМЛАГА.

Тяжелый труд, недоедание, антисанитария делали свое дело. Тюремны и лагеря — не дома отдыха, и к тому времени Иван уже приобрел туберкулез легких, от скудного питания страдал малокровием и совсем отощал.

В том же году заключенный И.Г. Митин был переведен в Соловецкий лагерь, который официально именовался Беломоро-Балтийским комбинатом ОГПУ.

Там, немного придя в себя, Иван начинает борьбу за свой «беззвучный». В ноябре 1934 года из Соловков он пишет письмо в Центральный Исполнительный Комитет СССР, где описывает, какой огромный многолетний труд его и его брата может пропасть для страны: «Читая в газетах о том, что в Японии вводится в армии “беззвучный” пулемет, а во Франции производятся специальные военные маневры “беззвучных” стрелков, становится невыносимо больно осознавать всю нелепость моего корыстолюбия, повлекшего за собой консервацию изобретения и толкнувшего меня на подготовку бессмысленного поступка». Следует сказать, что спустя год после ареста и осмысления происшедшего Митин немного по-другому оценивает свое «преступление». Он уже говорит не о террористических замыслах в отношении руководства страны, а всего лишь о «направлении изобретения против Советской власти путем подготовки специального “беззвучного” огнестрельного оружия».

В своем письме он заявляет: «“Беззвучное” огнестрельное оружие — это оружие ближайшей войны. Это оружие станет на одно из первых мест наравне с авиацией и химией. Это оружие уже начинает вводиться в армиях ряда передовых капиталистических стран. Советский Союз — опора всех трудящихся должен иметь “беззвучное” огнестрельное оружие и притом лучшее, чем у капиталистических стран. Полностью осознав свою вину и чистосердечно раскаиваясь, настоящим прошу ЦИК Союза ССР о поми-

ловании и предоставлении мне возможности работать над реализацией моего (и моего брата) изобретения. Я заверяю, что всю свою энергию, свой ум и знания полностью отдам рабочему классу и его правительству. Обязуюсь в кратчайшее время дать нашему государству наилучшие образцы "беззвучного" огнестрельного оружия. Вся моя дальнейшая жизнь и работа будут направлены исключительно на благо рабочего класса на любом участке работы, который мне доверят».

Конечно, Иван был достаточно умным человеком и понимал, что он может быть использован в одном из многочисленных в то время особых технических бюро ОГПУ. В этих закрытых организациях в те годы работали многие ученые и инженеры. Содержались они в специально созданных тюрьмах или в уже имевшихся изоляторах и сопровождались на рабочее место под надзором работника ОГПУ, а по окончании рабочего дня — возвращались в тюрьму. В наркомате госбезопасности существовала целая система поиска, этапирования и распределения требовавшихся на тот момент квалифицированных специалистов из исправительно-трудовых лагерей в такие остехбюро ОГПУ. С одним из таких оружейных остехбюро ОГПУ, как уже говорилось, Иван Митин контактировал перед своим арестом. Беда Митина, по всей вероятности, заключалась в том, что направление его деятельности было уникальным, очень специфичным. Да и обвинение, по которому он отбывал наказание, было очень серьезным, хотя многие такие бюро были переполнены «террористами». Вот, например, как на сентябрь 1931 года характеризовал состав заключенных специалистов руководитель подразделения Экономического управления ОГПУ, которому подчинялись все такие бюро: «...Заключенные специалисты, работающие в техническом отделении ЭКУ ОГПУ, распределяются: руководители организаций и групп — 98 чел.; шпионы — 74; диверсанты — 44; террористы — 28; члены Промпартии — 18; активные члены организаций — 101. Из общего числа 423 чел. подследственных — 160».

Вот такой контингент ускорял процесс индустриализации СССР, ударными темпами выполняя задания 1-й Пятилетки!

Однако к несчастью для И. Митина в 1934 году проводится большая реорганизация органов безопасности. ОГПУ входит в НКВД как Главное управление госбезопасности (ГУГБ). При этом многочисленные остехбюро ОГПУ ликвидируются. Видимо, это и стало основной причиной того, что И. Митин так и не был использован, продолжая оставаться в лагере.

Находясь в заключении, Иван отчаянно и настойчиво ищет сестру Маргариту, которая должна была быть направлена в тот же г. Свободный в БАМЛАГ, но затем ее след потерялся. Он неоднократно обращается к лагерному начальству, но безуспешно. Единственное, что Митин просит, это узнать ее адрес и сообщить ей о его местонахождении. Запросы в различные лагеря и даже обращение в 1-й спецотдел НКВД, который должен был знать все, ни к чему не привели. Вполне возможно, что к тому времени Маргариту нужно уже было искать в списках умерших. Вероятно, поэтому поиски и не принесли результата, а говорить Ивану о случившемся лагерное начальство не хотело.

В Соловецком лагере заключенный И.Г. Митин работает в проектно-сметном бюро заведующим сметно-чертежной группы. Лагерное начальство не нарадуется на работника: исключительно добросовестный, с полным знанием дела организовал и наладил работу своей группы, подготовив необходимые кадры; дисциплинирован, чистоплотен, уживчив; активный лагкор, член БРИЗа, в антисоветских настроениях не замечен, занесен на Красную доску проектно-сметного бюро. За добросовестный труд и в связи с 19-й годовщиной Октябрьской революции ему была объявлена благодарность по 8-му Соловецкому отделению Беломоро-Балтийского комбината НКВД. А если у заключенного Соловков записано, что он в антисоветских настроениях не замечен, то будьте уверены, что это так и есть. Ру-

ководство лагеря благодаря густой сети информаторов знало о лагерниках практически все.

Наступил страшный 1937 год.

Для Ивана он начался с маленькой надежды на перемены — о нем вспомнили на Лубянке. 23 января Митин направляется в распоряжение 6-го отдела ГУГБ НКВД и 3 февраля 1937 года он уже в Москве, в Бутырском изоляторе. Однако вскоре снова возвращается на Соловки.

А в это время во всех исправительно-трудовых лагерях шли пересмотры дел ранее осужденных за террористическую и троцкистскую деятельность. Новый приговор таким осужденным был только один — расстрел. В этот жуткий год ежовских чисток были расстреляны практически все, проходившие по делу И. Митина.

Жизнь Василия Митина оборвалась в 28 лет. 25 ноября 1937 года по решению Особой тройки УНКВД по Ленинградской области на основании дела Оперчасти Соловецкой тюрьмы он был приговорен к расстрелу вместе с другими 60 осужденными, отбывавшими сроки за террористическую деятельность, среди которых был и Петр Орелкин. Приговор был приведен в исполнение 8 декабря 1937 года. Для расстрела было достаточно негативной характеристики надзирателя тюрьмы на заключенного или доноса лагерного информатора, каковые и имелись на П. Орелкина и младшего Митина.

Получивший довольно мягкий по тем временам приговор — 5 лет ссылки — Д.Л. Рабинович 16 июля 1937 года по решению Военной коллегии Верховного Суда СССР также был признан виновным по ст. 58-8 и 58-11 и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

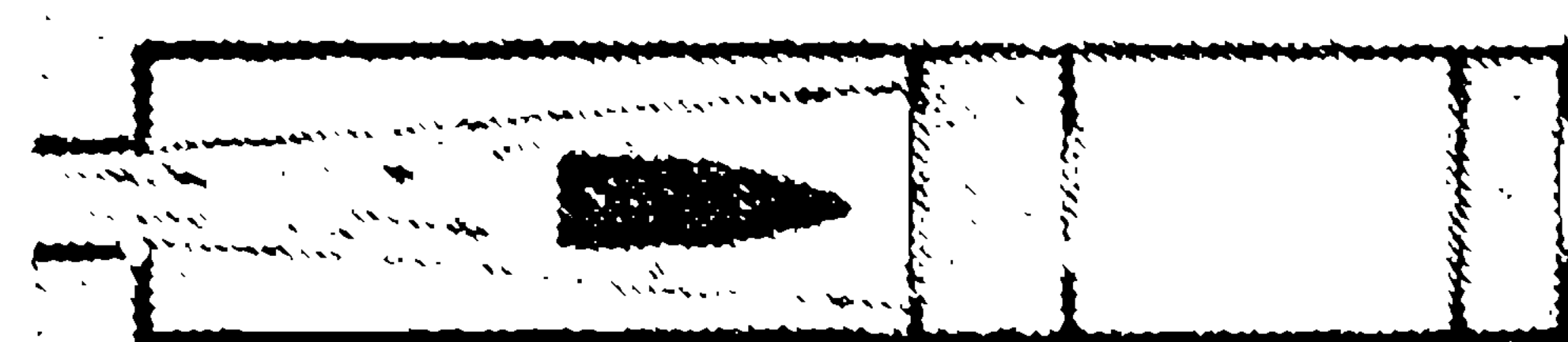
Трудно сказать, что решило судьбу Ивана: то ли его письма в ЦК, то ли искреннее раскаяние и добросовестная рабо-

та в лагере, объяснимая желанием во что бы то ни стало завершить работу над изобретением, но «создателя и организатора фашистской террористической контрреволюционной группы» оставили в живых. Это можно было считать третьим рождением Ивана Митина, ведь в первую очередь именно он должен был попасть туда, где уже находились его брат и бывшие коллеги по работе.

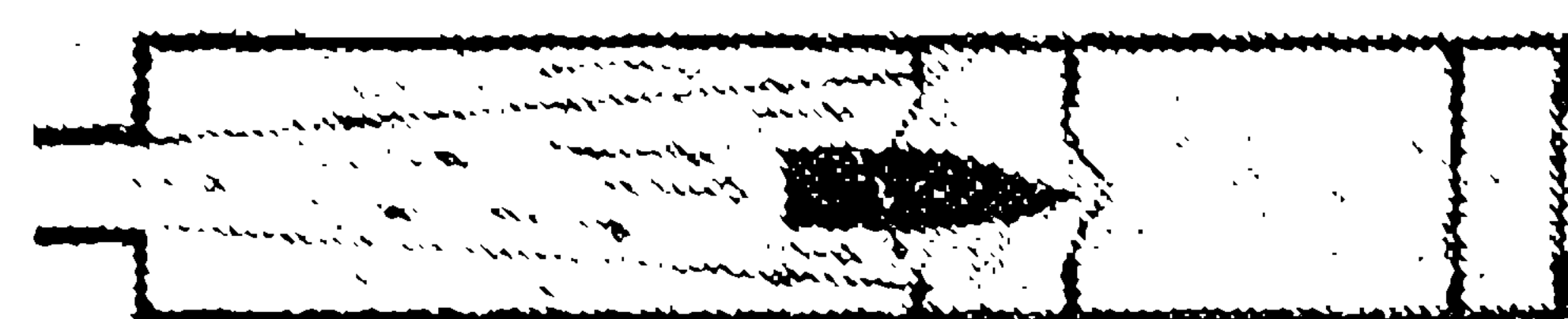
В начале 1938 года И. Митин вновь обращается к руководству лагеря с заявлением, что им изобретено «беззвучное» огнестрельное оружие. Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД по фамилии Коллегов, надо отдать ему должное, не отмахнулся от этого обращения и в свою очередь просит указаний от начальника 10-го (Тюремного) отдела ГУГБ НКВД о предоставлении возможности заключенному И.Г. Митину работать над своим изобретением.

Наконец, спустя долгих пять месяцев ожиданий, такое решение было принято, и заключенный И. Митин направляется в распоряжение Управления НКВД по Ленинградской области. Из Соловецкого лагеря 10 мая 1938 года И.Г. Митин по этапу направляется для работы в Ленинград, в Отдел опертехники (или 12-й отдел) Управления НКВД Ленинградской области.

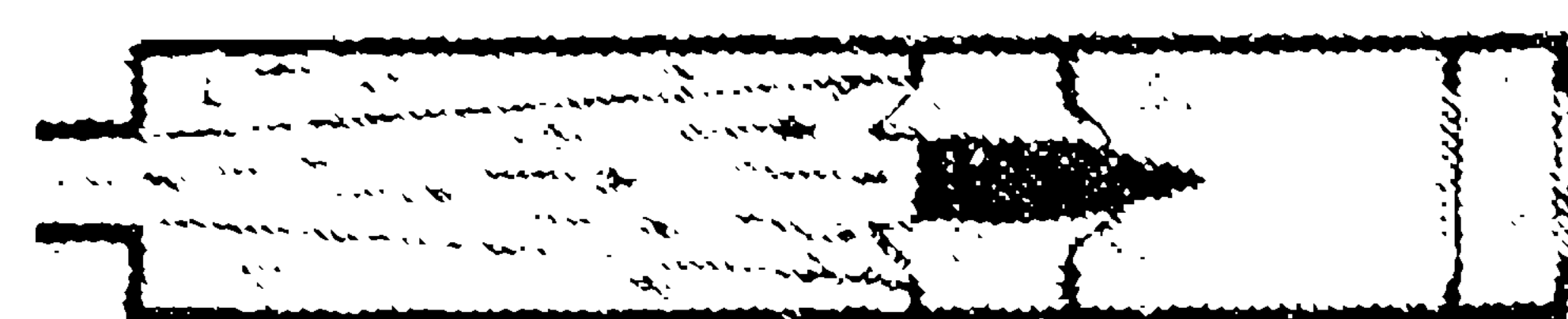
Начальство отдела заботливо относится к специалисту и обращается к начальнику Ленинградской тюрьмы с запиской, в которой просит перевести заключенного И.Г. Митина в приличную камеру, выдать постельное белье, снабдить бумагой и карандашом, разрешить пользоваться тюремной библиотекой и ежедневными прогулками. На перечисленные от 12-го отдела деньги разрешается покупать папиросы, дополнительно давать обед и ужин из столовой УНКВД. Ежедневно по служебной записке, заполняемой на стандартном бланке вызова на допрос, Иван Митин доставляется на работу в отдел. Так продолжается до 16 сентября 1938 года.

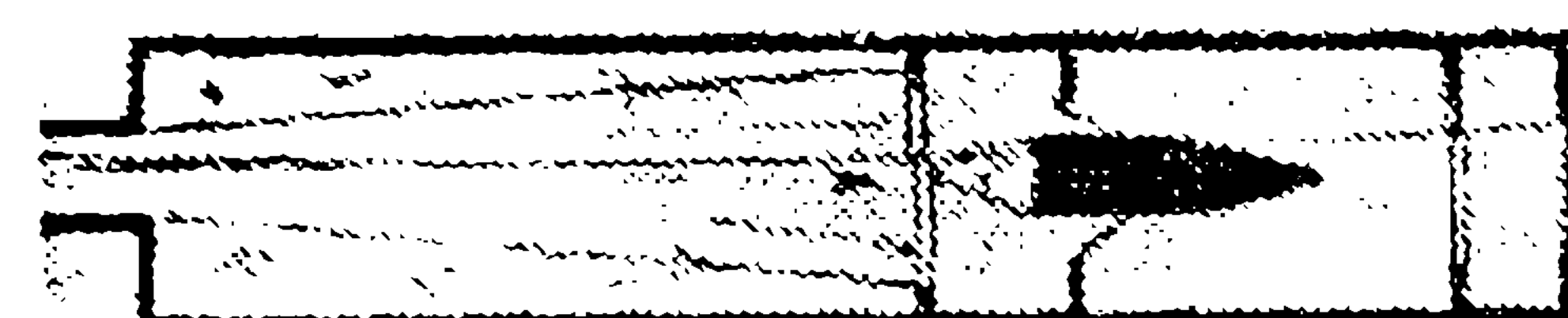
I-ое положение

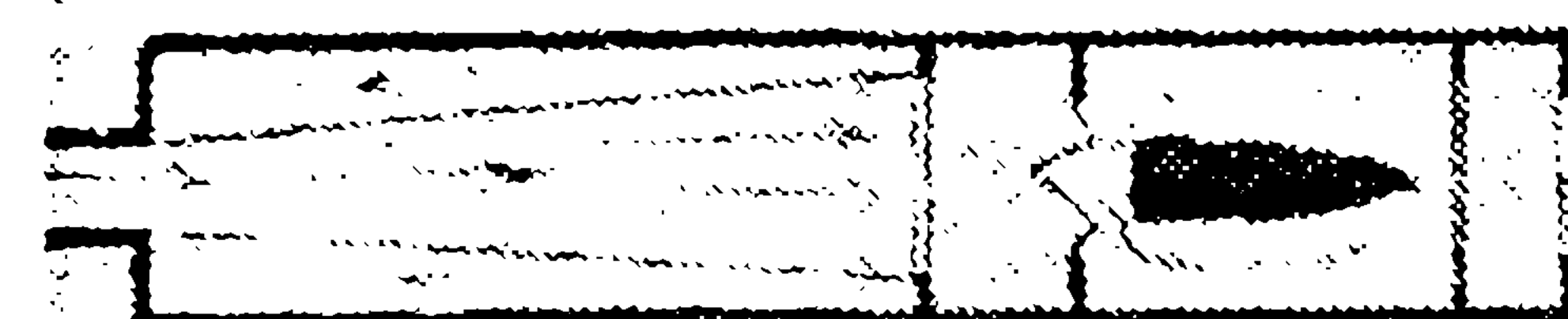
II-ое "

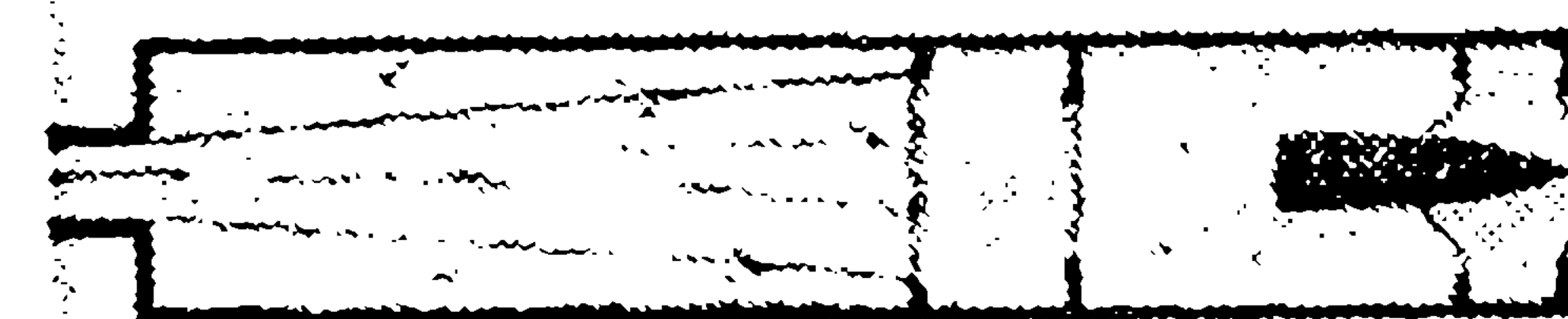
III-ье "

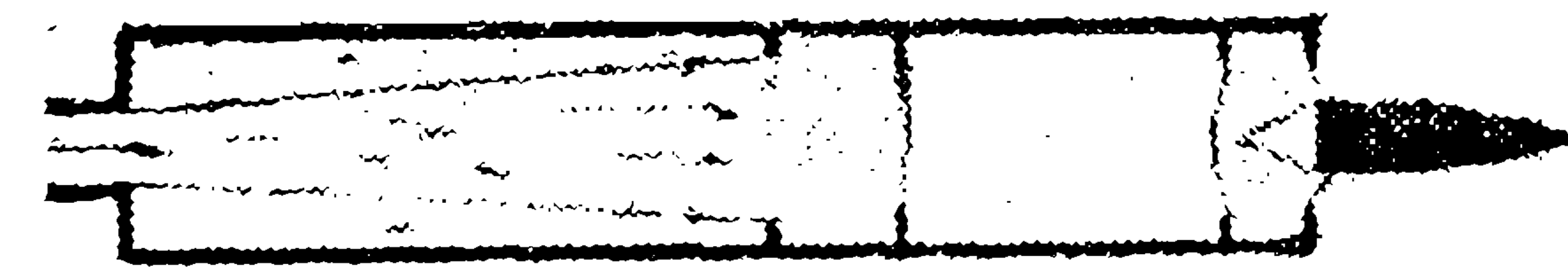
IV-ое "

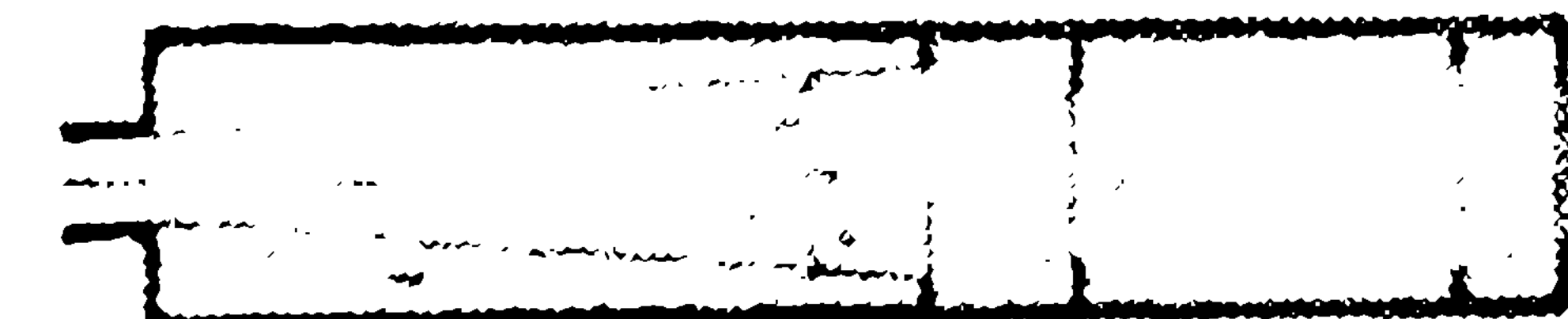
V-ое "

VI-ое "

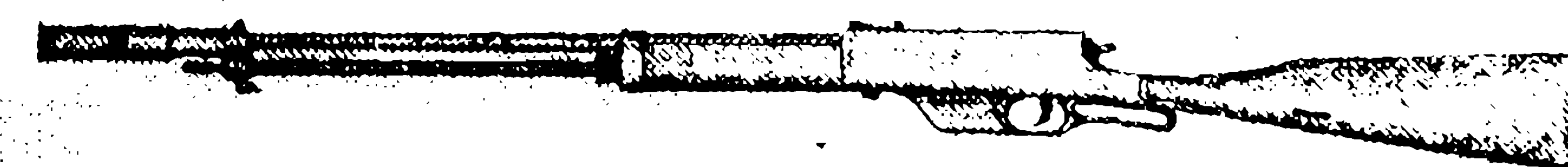
VII-ое "

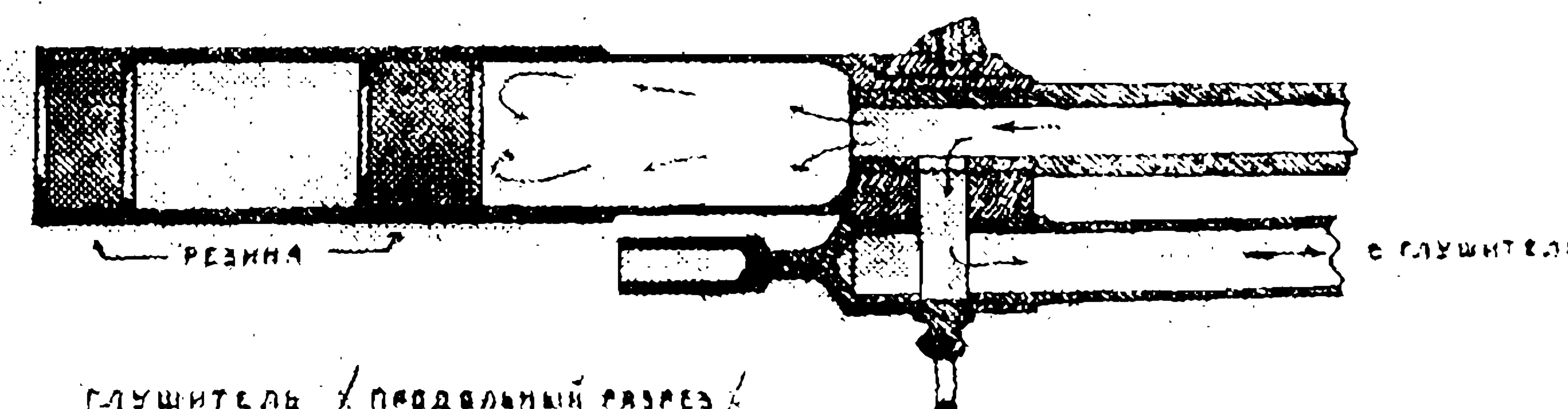
VIII-ое "

Прохождение пули в глушителе.
Чертеж выполнен И.Г. Митиным

ТИПОВАЯ УСТАНОВКА НАДУЛЬНИКА И ГЛУШИТЕЛЯ У НЕАВТОМАТИЧЕСКИХ ВИНТОВОК
И ПАРАДИНОВ С ПАТРОНАМИ ДЛИННЫМИ ПУЛИ НАЧ. СКОРОСТЬ НЕ БОЛЕЕ 300 м/сек.

НАДУЛЬНИК / ПРОВОДНЫЙ РАЗРЕЗ /

ГЛУШИТЕЛЬ / ПРОВОДНЫЙ РАЗРЕЗ /

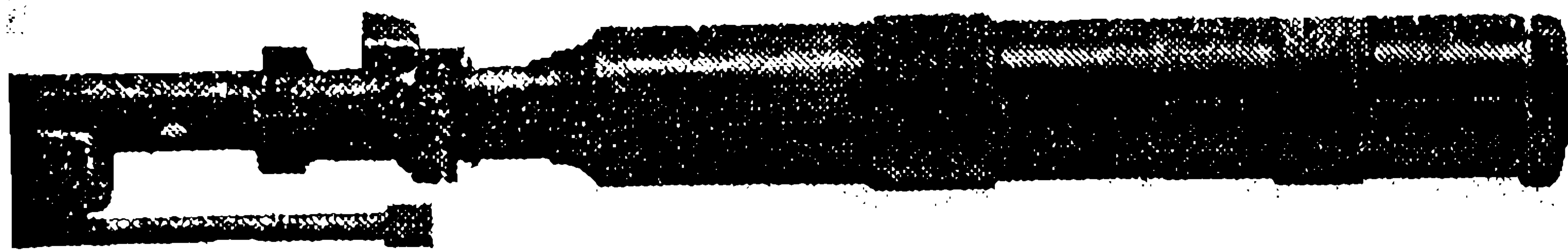
НАСЧЕТ - НАТУР. ВЕЛИЧ.

Устройство глушения звука выстрела в разрезе.
Чертеж выполнен И.Г. Митиным

За несколько месяцев там, в 12-м отделе Ленинградского УГБ НКВД, были получены первые отлаженные образцы глушителя конструкции И. Митина. Это был надульный глушитель «БРАМИТ», названный так Иваном в память о своем брате Василии. Название сложилось из частей двух слов: «БРАТья МИТины».

Работа Митина в Ленинградском УНКВД была кратковременной, но нашла свое продолжение и практическое применение позже, в период войны. В осажденном городе инженеры и техники Ленинградского технического отдела УНКВД по крупицам собирали воспоминания сотрудников, работавших с И. Митиным, чтобы изготовить такое нужное для разведчиков специальное оружие. В отделе восстановили чертежи и изготавливали серийно на заводе в осажденном Ленинграде закамуфлированные под инвалидные костыли, черенки лопат или посохи бесшумные стреляющие устройства.

В конце сентября 1938 года заключенный Митин был направлен в Москву в распоряжение начальника нового, формирующегося отдела НКВД по использованию заключенных специалистов — будущего Особого технического бюро НКВД.

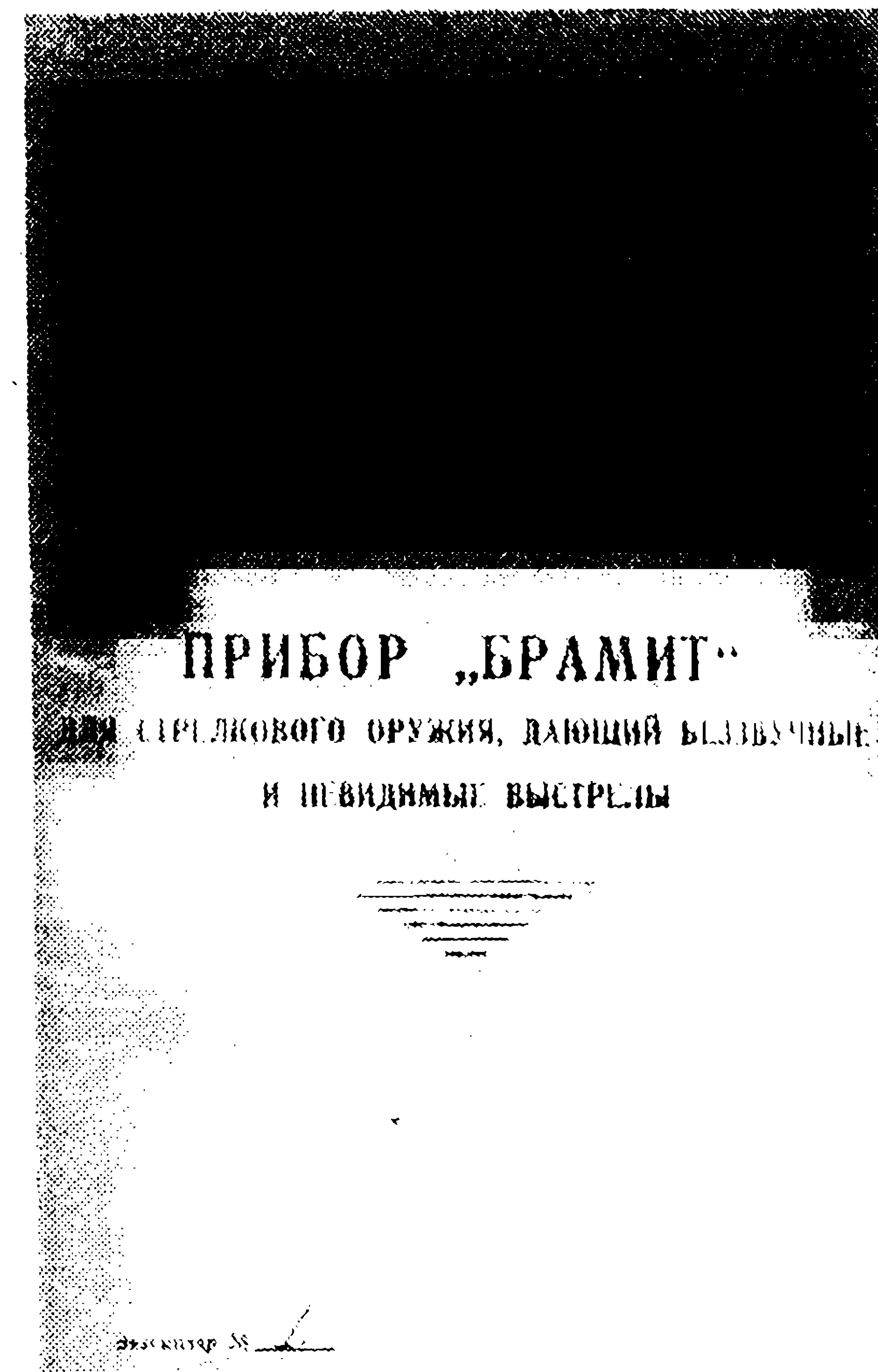

Серийный надульник «БРАМИТ»

Следует сказать, что за 1936—1938 годы масштабы арестов достигли таких размеров, что в народном хозяйстве ощущалась острая нехватка специалистов. Так, в НКВД появляется отдел по использованию труда заключенных специалистов по подобию еще недавно существовавших остехбюро ОГПУ.

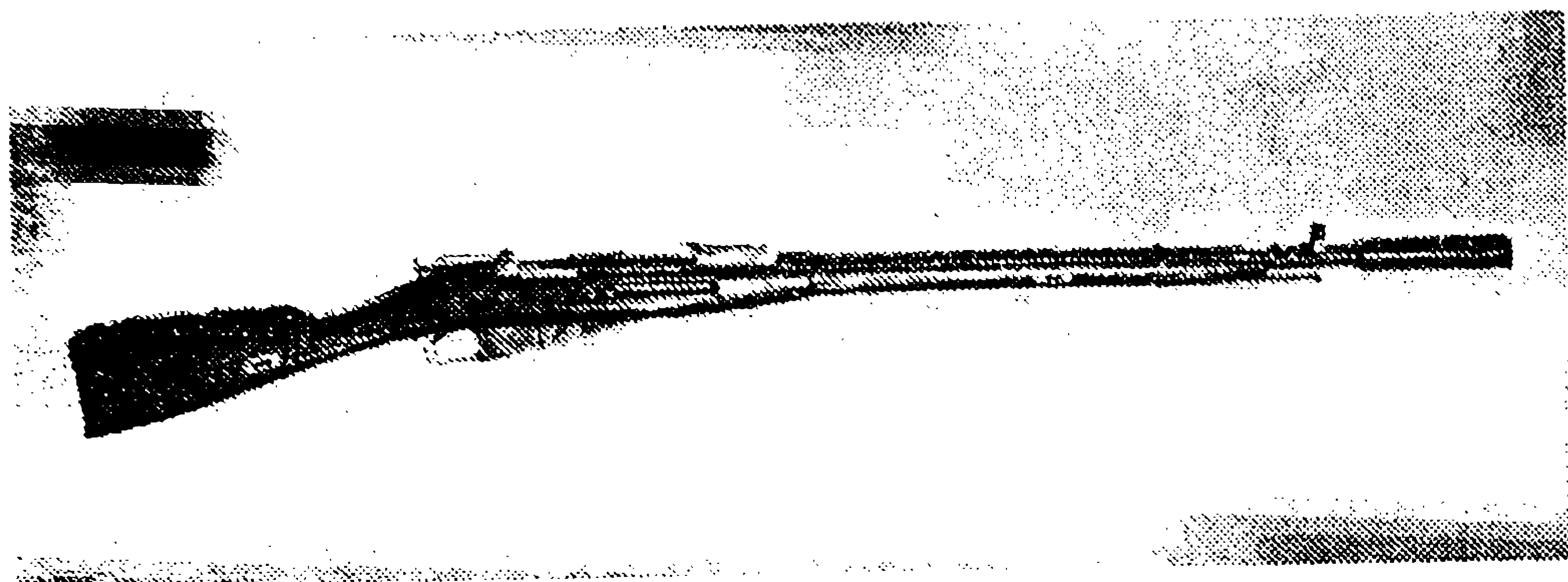
По служебной записке с пометкой «Срочно!» И.Г. Митин принимается во внутреннюю тюрьму Главного управления госбезопасности НКВД на Лубянке, помещается в одиночную камеру и обеспечивается усиленным питанием. Теперь уже надолго. С этого дня при Особом техническом бюро НКВД и проходили все его дальнейшие изыскания по проблеме глушения звука выстрела, создания и совершенствования известного многим надульного устройства «БРАМИТ». Бутырская тюрьма, спецтюрьма НКВД в Казани, другие спецтюрьмы, помещения отдела НКВД стали его жизненным пространством на все последующие годы.

В октябре 1938 года «БРАМИТ», поставленный на 7,62-мм винтовку Мосина образца 1891/1930 г. и на пистолет-пулемет Токарева, демонстрируется наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову. Наркому понравился прибор. В качестве пожелания он предложил изменить крепление глушителя к стволу винтовки: заменить резьбовое крепление на крепление по типу винтовочного штыка.

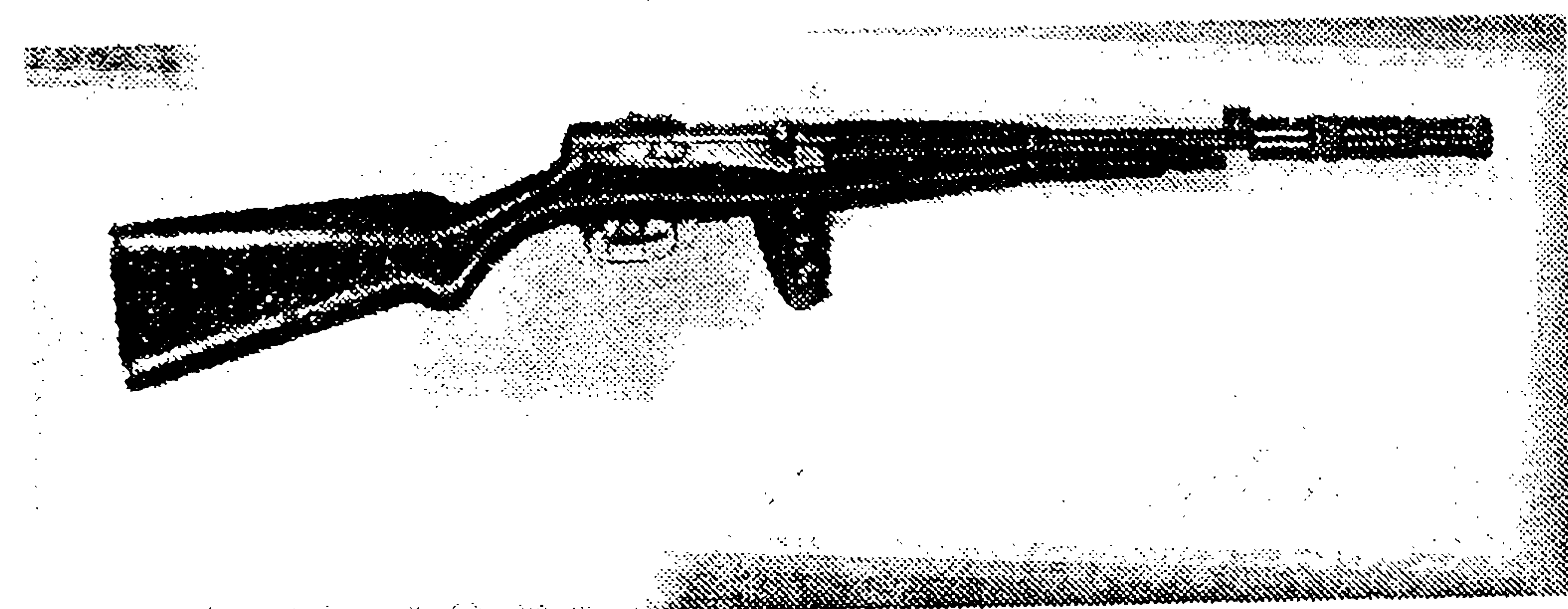

Обложка технического описания прибора «БРАМИТ», 1944 год

Легко было сказать, да не просто сделать. Ведь не допускалось и малейшей неплотности в сочленениях устройства глушения со стволом. У Ивана уже имелся негативный опыт, когда неплотная подгонка надульника сорвала эффект глушения. И.Г. Митин и работавшие с ним инженеры и техники проявили недюжинную изобретательность, решив множество технических проблем, но доработали прибор с учетом замечания маршала. Уже в 1940 году этот прибор демонстрируется комиссии, а в 1942 году принимается на вооружение специальным постановлением ГКО СССР.

Прибор «БРАМИТ» в рабочем состоянии, примкнутый к винтовке обр. 1891/30 г.

Прибор «БРАМИТ» на пистолете-пулемете Токарева

Несмотря на свою простоту, прибор «БРАМИТ» был довольно эффективным средством подавления звука выстрела. Надульник крепился к срезу ствола винтовки и представлял собой трубку, заполненную двумя отсеками пороховых газов из специальной резины большой эластичности. Отсекатели, обладающие большой упругостью, пропустив через себя пулю, немедленно замыкали образовавшееся отверстие, чем преграждали путь пороховым газам. Задержанные газы, проходя через специальные отверстия в надульнике, теряли свою скорость и беззвучно выходили на-

ружу. Для беззвучной стрельбы применялся специальный патрон, состоявший из обычной пули массой 9,7 г и заряда бездымного пироксилинового пороха марки П-220.

Заряд придавал пуле начальную скорость 270—280 м/с. Такая скорость полета пули не допускала создания так называемой баллистической волны, которая при скорости полета пули, превышающей скорость звука, производила такой же звук, как и сам выстрел.

Надульник не влиял на точность, практически не снижал скорость полета пули и допускал до 100 выстрелов без замены наполнителя. Применение такого устройства позволяло вести не только «беззвучную», но и «невидимую» стрельбу, так как при этом не производились выбросы дыма и огня; также допускалось ведение стрельбы при любых метеоусловиях и температурах. В целях конспирации, для сохранения секрета его конструкции, устройство легко могло быть выведено из строя с помощью выстрела штатным боевым патроном. При этом резиновые отсекатели выталкивались из корпуса. В случае необходимости можно было продолжать вести стрельбу штатными боеприпасами. В условиях войны был быстро налажен серийный выпуск приборов «БРАМИТ» на заводах № 74 и 314, специальные патроны производили Барнаульский патронный завод и завод № 543 (Казань), отсекатели для него изготавливал Ярославский завод.

С приближением немцев к Москве и эвакуацией многих оборонных предприятий из города на восток И.Г. Митина перевозят в спецтюрьму при Казанском заводе им. Ленина, где он трудится в известном ОТБ-40. Работа над глушителем «БРАМИТ» активно продолжалась. К 1944 году приняты на вооружение Красной Армии приборы «БРАМИТ» для 7,62-мм винтовки образца 1891/1930 г., 7,62-мм самозарядной винтовки Токарева, 7,62-мм ручного пулемета Дегтярева и образцы ППТ-«БРАМИТ», ППД-«БРАМИТ».

Переданные в части специального назначения, эти устройства почти в течение двух лет работали на фронтах Отечественной войны и в партизанских отрядах. «Беззвуч-

ное» огнестрельное оружие впервые в истории получило боевое крещение.

Иван Митин с нетерпением ожидал первых успехов своего изобретения. Он пишет: «Фронтовая его работа лучше всяких испытаний вскроет его преимущества и недостатки, а на основе последних конструкторам откроется широкое поле деятельности для дальнейшего совершенствования «беззвучного» огнестрельного оружия».

Как проявил себя «БРАМИТ» в период войны в целом, сказать трудно. Слишком мало данных для обобщений и анализа. Имеются отдельные воспоминания бойцов, непосредственно применявших устройство. Не забыл упомянуть про надульный глушитель Герой России Ю.А. Колесников. В своей книге «Лабиринты тайной войны», рассказывающей о партизанском соединении С.А. Ковпака, он пишет, что разведчики имели на вооружении так называемую мортирку, которая наставлялась на снайперскую винтовку для бесшумного выстрела, например при снятии часового. Вот еще одно из воспоминаний участника войны, имевшего трехлинейку с надульником (к сожалению, фамилия партизана не известна):

«Группа обычно человек шесть. Пулемет, автоматов пару, винтовки. Одна бесшумная обязательно — часовых снимать. Пистолеты у всех, ножи. Патронов по три-четыре рожка, гранат по паре — все, только чтоб не перегружать себя. Это когда на задание. А когда бой — там патронов побольше, пулеметов побольше.

— Винтовка бесшумная? Это как?

— А чего там? Такой набалдашник: на ствол его рычагом закрепил — и все.

— А громко стреляла?

— Нет, шипела только, прилично так шипела, протяжно, но не выстрел, а так — шипит и все. Мы их часто использовали, всегда из них часовых снимали. Метров со ста, восьмидесяти разок приложил — и все, привет. Не слышно, он иногда падал громче.

— А патрон обычный?

— А что в нем необычного — из трехлинейки-то стреляли, какой там патрон-то, необычный?! Обыкновенный, и винтовка тоже, только прилепишь набалдашник — и все.

— А набалдашник устроен как, насколько его хватало?

— Как устроен, не знаю — не разбирали, да и не интересно было. Хватало насколько? Да, по-моему, насколько хочешь, не ломались они, вещь была обычная у нас. Привыкли — и не интересно, обыкновенная такая вещь. У немцев не видали такое, да им и зачем.

— Брали-то где эти штуки?

— Да к нам же почти каждый день «кукурузник» ночью прилетал, привозили все. Патроны, продукты, батареи для радио, лекарства. Раненых увозили. Много взрывчатки привозили всегда».

Из этого диалога видно, что продуманной, разработанной тактики применения нового вида оружия на тот момент не имелось. Каждый использовал его по собственному разумению, основываясь на собственной смекалке и действуя по сложившейся обстановке. Конечно, особого эффекта это принести не могло. Видимо, в том числе и по этой причине «бесшумное» оружие не имело большого успеха в период войны. А несколько тысяч выпущенных надульников «БРАМИТ» просто растворились в море обычного стрелкового оружия при тех грандиозных масштабах боевых действий.

И.Г. Митин понимает, что успех оружия с глушителем во многом определяется правильной тактикой, а поэтому разрабатывает основы его применения. В своем труде он пишет: «...трудность создания «беззвучного» огнестрельного оружия (БОО) осложнялась еще и тем, что тактика его применения во время военных операций еще не была никому ясна, и поэтому на «беззвучное» оружие смотрели, как на обычное традиционное оружие со всеми выработавшимися временем традициями и требованиями к такому оружию.

Между тем БОО, являясь совершенно новым видом оружия, не может собой заменить традиционное оружие. На него не следует смотреть как на оружие, которое обязательно вытеснит традиционное звучное оружие. Это самостоятельный тип нового оружия, который наряду с существующими образцами займет свое место. Его функции и тактика применения другие, новые. Появление автомобиля и самолета не означает отмены железной дороги. Каждый занял свое место. Совершенно очевидно, что на линии огня звучного оружия БОО теряет свое значение, т.к. противник не разбирает, кто стреляет звучным, а кто — «беззвучным» оружием. В настоящее время для только что родившегося вида оружия весьма трудно дать полную картину тактики его применения, можно указать лишь некоторые штрихи:

1. Вооружение разведывательных отрядов и отдельных разведчиков, когда они, не обнаруживая своего местонахождения, могут производить обстрел противника, атакже в случае необходимости снимать часовых, уничтожить замеченный ими неприятельский разъезд и т.п., вплоть до обстрела противника непосредственно в его расположении.

2. Вооружение заградительных и сторожевых постов позволит, не выдавая своего местонахождения, обстреливать как отдельные единицы, так и целые скопления противника при его передвижении.

3. Устройство специальных засад «беззвучных стрелков» позволит ввести дезорганизацию в рядах противника и, не выдавая своего местонахождения, сбить его с ориентировки и посеять панику.

4. Применение для вооружения специальных «беззвучных» снайперов или целых гнезд снайперов.

5. Применение БОО в партизанских отрядах.

Уже перечисленного достаточно, чтобы убедиться в том, что БОО по своему применению имеет большие

отличия от звучного оружия. «Беззвучное» оружие совершенно нет необходимости применять на больших расстояниях, так как стрелок благодаря «беззвучности» может, не выдавая своего местонахождения, производить обстрел противника в непосредственной близости. Естественно, что наилучшим разрешением этого вопроса было бы легкое, портативное оборудование существующей винтовки, которое бы давало возможность в зависимости от сложившихся обстоятельств производить из нее звучную или «беззвучную» стрельбу. Совершенно ясно, что, когда стрелок обнаружен, дальнейшая «беззвучная» стрельба становится ненужной, а в этом случае применение более мощного оружия, каким является звучное, бесспорно. Совместить же звучное и «беззвучное» оружие в одно с сохранением баллистики звучного оружия, как показывает анализ баллистики БОО и практика, технически невозможно».

По мнению И.Г. Митина, изобретение «беззвучного» огнестрельного оружия могло быть приравнено по своей значимости к изобретению автоматического оружия. До конца своих дней он верил в большое будущее своего детища.

22

А тем временем срок заключения подошел к концу. Официально срок наказания истекал в октябре 1943 года, однако заключенный И.Г. Митин согласно директиве НКВД и Прокуратуры СССР от 22.6. 1941 года № 221 и от 29.4.1942 года № 185 подлежал задержанию до окончания войны.

Можно представить себе состояние, в котором он находился. Что значила для творческого человека, каким безусловно был Иван Митин, свобода, с чем ее можно было сравнить — с воздухом, водой, хлебом? И вот, когда наконец-то закончился срок его мучений, он продолжает оставаться в тюрьме! Более изощренную пытку придумать было сложно.

Иван пишет обращение в Президиум Верховного Совета СССР и в апреле 1945 года даже зачем-то проходит медицинскую комиссию. Справкой от 5 апреля 1945 года он признается годным к строевой службе.

Оканчивается Великая Отечественная война, но не кончаются загадки судьбы несчастного изобретателя. Иван продолжает содержаться в тюрьме и в 1946 году! Не получив дополнительного срока, без официального решения.

Развязка наступила неожиданно. 1 августа 1946 года в 18.00 Иван Григорьевич Митин умирает в больнице Бутырского изолятора, согласно официальному заключению, от наступившего паралича сердца на почве его гипертрофии и обострившегося нефроза-нефрита.

Даже поверхностный анализ некоторых фактов заставляет усомниться в официальной причине. Ведь на сердце И. Митин не жаловался, об этом нет ни одной записи в его медицинской книжке заключенного. Более того, чуть больше года до смерти он успешно, что подтверждается справкой, прошел медицинскую комиссию и был признан годным к строевой! Зададимся вопросом: какова вероятность неожиданной остановки сердца у практически здорового 45-летнего мужчины, пусть и пережившего большие психо-эмоциональные и физические нагрузки? Не было ли это протестом против произвола властей, незаконно содержащих в тюрьме человека, который уже 3 года должен быть на свободе?

Кроме того, вспомним, что Иван имел склонность к суициду и уже предпринимал попытку самоубийства в 1933 году, но выжил.

Вывод напрашивается сам собой. Работая в стрелковой группе Специального отдела над своим изобретением, Митин конечно же имел доступ к огнестрельному оружию. Так не выстрел ли из «беззвучного» поставил точку в жизни Ивана Григорьевича Митина?

Все трагические события в жизни изобретателя И.Г. Митина, его рухнувшие мечты об известности, славе и материальном благополучии, ограниченная тюремным режимом реализация огромного изобретательского потенциала, долгие мучительные ночи в спецтюрьмах НКВД привели к печальному, но закономерному концу. Талантливый, но малоизвестный до настоящего времени инженер-изобретатель умер в неизвестности в Бутырской тюрьме, в полном расцвете творческих сил, так и не вдохнув сладкий воздух свободы.

* * *

Можно ли считать И.Г. Митина невинно пострадавшим? И да, и нет. Особенности его характера, сложное сочетание противоречивых личных качеств, безусловно, способствовали трагическому исходу. Слаб человек...

Иван жил в двух параллельных мирах. Один из них — это мир его мечтаний и надежд. В них он был богат, известен, счастлив. Но был и другой мир, реальный мир советской действительности: голодные и холодные дни студенческой поры, 12—14 часовой рабочий день в совгосучреждении, партийные чистки и борьба за выживание, лозунги, призывы и политическая несвобода. И единственное, что могло помочь ему попасть из одного мира в другой, была его самоотверженная работа над изобретением. Успех давал надежду, исцелял душевные раны, тешил самолюбие, помогал переносить происходящее. Он был тонким человеком, он все чувствовал, и он не мог не реагировать на то, что происходит вокруг него. Да, он не понял и не принял новую власть, в мечтах он жил другой жизнью. Можно ли его за это осудить?

Но даже теперь, когда достаточно отчетливо вырисовывается портрет Митина, видна двойная мораль, к которой он частенько прибегал, очевидна нестойкость его жизненных принципов, можно с уверенностью сказать, что по большей части он стал жертвой создавшейся политической ситуации. Для того чтобы изменить его отношение к существующей власти или хотя бы заставить смириться с ее существованием, было бы достаточно хорошей профилактической беседы в стенах ОГПУ. Уверен, это надолго, если не навсегда, отбило бы у Ивана желание проявлять какую-либо политическую активность.

Однако время было другое. В конце 20 — начале 30-х годов в руководстве партии и страны окончательно побеждает линия на жесткое, если не жестокое, подавление любого несогласия, инакомыслия, на силовое решение всех, в том числе и экономических, задач. Растет подозрительность, шпиономания, везде обнаруживаются вредители и заговорщики. И неважно, что на одного действительного вредителя в исправительно-трудовых лагерях оказываются сотни и тысячи невинных людей. Руководство требовало решительной борьбы с различного рода антисоветскими элементами, а Митины так удачно подходили под образ группы террористов, готовивших покушение на руководство страны, став одними из многочисленных жертв этой борьбы.

Ближайших родственников у Ивана Митина не осталось, сестра Маргарита так и не была найдена, поэтому тело бывшего заключенного И.Г. Митина было предано земле, по всей вероятности, на одном из подмосковных кладбищ, скорее всего без указания фамилии, а просто под номером. Место его захоронения установить не удалось.

В 1989 году И.Г. Митин реабилитирован (посмертно) в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х годов и в начале 50-х».

К созданию повести

Написание этой повести потребовало кропотливой и целенаправленной работы по поиску материалов, касающихся судьбы братьев Митиных — Василия и Ивана. Началу поисковой работы послужили имеющиеся в архиве технические материалы 1938—1944 годов, составленные с участием И.Г. Митина — старшего из братьев, которые по отрывочным сведениям являлись авторами надульного приспособления для глушения звука выстрела.

Причем обстоятельства появления этих материалов в данном архиве остаются до конца не выясненными. С большой долей вероятности можно предположить, что книги, изданные Особым техническим бюро № 40 были привезены бывшими сотрудниками ОТБ-40 К.В. Ворошиловым и С.С. Вартаняном. А произошло это в 1953 году, когда после смерти И.В. Сталина был расформирован 4-й Спецотдел МВД, занимавшийся организацией труда заключенных специалистов, а его штатные работники продолжили службу в научно-исследовательских подразделениях объединенного МВД.

Из технических описаний на изделие БРАМИТ следовало, что Василий Григорьевич Митин умер в 1937 году, а работу над приспособлением продолжил Иван Григорьевич Митин. При этом не упоминалось, в каком качестве работали эти инженеры. Поиски по учетам штатных сотрудников органов безопасности, как военнослужащих, так и гражданского персонала, результатов не принесли. Таковые не значились в центральных архивных учетах ФСБ и МВД.

Следы братьев не были обнаружены и в архиве УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Удачу принес поиск Митиных по картотеке архивных следственных дел Центрального архива ФСБ России. Большая часть повести основана на собственноручно написанных подробных показаниях Ивана Митина. Причем, в память об изобретателе и желая передать, насколько это возможно, дух того времени, автор повести постарался не осовременивать некоторые выражения, используя их в том виде, какими они были приведены Иваном Митиным.

Материалы следственного дела заканчиваются 1934 годом. Далее, используя другие архивные материалы, по крупицам, шаг за шагом, вплоть до его смерти в 1946 году, восстанавливался путь И.Г. Митина в «государстве» НКВД. Особой удачей следует считать чудом уцелевшее тюремное дело И.Г. Митина, обнаруженное в архиве Бутырского изолятора. Огромное спасибо старейшему работнику Бутырского изолятора Н.С. Черненко, которая вспомнила, что архивные дела умерших в изоляторе не уничтожались и указала место, где оно может находиться. Отдельная благодарность работникам УИН Минюста России по г. Москве за возможность ознакомиться с делом инженера-изобретателя.

Спасибо руководителю учреждения Медвецкому Сергею Владимировичу за предоставленное время и возможность работать над раскрытием загадочной судьбы братьев Митиных, которое, надеюсь, завершилось, а также за помощь в издании этой повести.

С. Козлов

Об авторе

Козлов Сергей Георгиевич родился в 1958 году в г. Южно-Сахалинске, где проходил службу его отец — офицер Вооруженных Сил. Рос и учился на Украине — в пгт. Чаплино Днепропетровской области, в г. Чернигове, восьмилетку заканчивал в гарнизонной школе г. Торгау, ГДР. Далее — учеба в Киевском военном суворовском училище и Житомирском высшем военном училище радиоэлектроники ПВО им. Ленинского комсомола. Службу в качестве офицера проходил в войсках Противовоздушной обороны страны. С 1997 года — в органах безопасности.

Историк-энтузиаст, С.Г. Козлов с детства интересовался историей страны, особенно его увлекали трагические события первой половины XX века и судьбы людей в этот период. В своих работах он пытается показать, как жизнь человека реализуется в его деятельности, понимая деятельность как свободу выбирать и ставить цели, добиваться их осуществления различными способами, средствами в соответствии с собственными намерениями и желаниями. Он старается проникнуть во внутренний мир, мир переживаний человека, оказавшегося в жесточайших условиях подавления свободы.

Имеет несколько публикаций в открытой печати, работает над кандидатской диссертацией по истории научно-технических подразделений ОГПУ—НКВД—КГБ.